

Роман
Сенчин
Нулевые
Проза начала века

18+

2

Лауреат премий
БОЛЬШАЯ КНИГА
ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Новая русская классика

Роман Сенчин

Нулевые

«Издательство АСТ»

2001-2010

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сенчин Р. В.

Нулевые / Р. В. Сенчин — «Издательство АСТ»,
2001-2010 — (Новая русская классика)

ISBN 978-5-17-136222-5

«По книгам Сенчина можно изучать историю. Не политическую, не историю президентов и депутатов. А историю простого человека, повседневной жизни. Самую важную для нас историю... Нулевые ушли в прошлое недавно: время дешевого доллара и дорогого рубля, заграничного туризма и холодильника, полного импортных деликатесов, шикарных машин и доступных кредитов. Та же страна, вроде бы те же люди. А жизнь уже совсем другая. Колесо истории сдвинулось». (Сергей Беляков) Роман Сенчин – автор романов «Елтышевы», «Зона затопления», «Дождь в Париже», множества рассказов и статей. Лауреат премий «Большая книга», «Ясная Поляна», финалист «Национального бестселлера».

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-136222-5

© Сенчин Р. В., 2001-2010
© Издательство АСТ, 2001-2010

Содержание

Летопись прекрасной эпохи	6
За встречу	13
Ничего страшного	23
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Роман Валерьевич Сенчин

Нулевые

© Сенчин Р.В.

© Беляков С.С., предисловие

© ООО «Издательство АСТ»

Летопись прекрасной эпохи

Нашу жизнь будут знать по рассказам Сенчина, как мы знаем о жизни русских интеллигентов позапрошлого века по рассказам Чехова. Я не раз об этом писал. И предсказание мое сбылось намного раньше, чем я рассчитывал. Нулевые ушли в прошлое недавно, но все же это другая историческая эпоха. Времена изменились удивительно скоро и резко. Та же страна, вроде бы те же люди, а жизнь уже совсем другая. Мы не чувствуем нашего исторического времени, как рыба, должно быть, не чувствует воды, в которой живет.

Автор подошел к исторической хронологии жестко, по-математически. Сборник Романа Сенчина открывается рассказом 2001 года. Вопреки распространенному предубеждению, именно в 2001-м, а не в 2000-м начался новый век. Последний рассказ в книге датирован 2010-м. Полные десять лет. Но история не во всем подчиняется математике. На мой взгляд, нулевые начались той знаменитой новогодней ночью с 31 декабря 1999 года на 1 января 2000-го, когда Борис Ельцин в последний раз обратился к «дорогим россиянам» и впервые произнес слова: «Я ухожу». Это и был настоящий, как позже выяснилось, конец 1990-х. Высшей власти достиг совсем молодой тогда Владимир Путин. Он так не походил на больного, уставшего и ненавидимого многими Ельцина, что со сказочной легкостью завоевал любовь народа, еще недавно совсем ничего о нем не знавшего. Это напоминало какое-то волшебство или мираж. Как раз в начале нулевых бестселлером стал роман Александра Проханова «Господин Гексоген». Там молодой президент – Избранник – в конце концов и оказался миражом: «Избранника не было. Только в кристаллическом ромбе кабины слабо пылала прозрачная радуга. Рассыпалась на пучки летучих лучей».¹

Но миражей не было. Постепенно, шаг за шагом, месяц за месяцем стало ясно, что живем мы совсем в другом историческом времени. Многие считают, что в лучшем за всю историю России.

Нулевые – время сравнительно спокойное. В самом его начале еще гремели сражения второй чеченской войны. Но к середине десятилетия наступил мир, который казался вечным. Как будто навсегда прошло время войн и революций. Нулевые – время счастливого и трудолюбивого обывателя, который не ставит перед собой великих целей. Его заботит насущное: взять ипотеку, купить приличную машину, найти хорошего репетитора для детей. Всё, что нельзя съесть, выпить, использовать, – для него непонятно. И слава богу! Довольно было в нашей истории благородных правдоискателей, что довели до великих кровопролитий прошлого века. Теперь российские пассионарии шли главным образом в бизнес, создавая финансовые империи.

Одной из первых примет нового времени стали автомобильные пробки, заторы на дорогах. Может быть, в столице они появились и раньше, но в другие города России пришли именно в нулевые.

В моем детстве (80-е годы XX века) на улицах полуторамиллионного промышленного Свердловска изредка встречались даже лошади: они возили телеги с бидонами молока и сметаны из пригородных совхозов. Эти телеги исчезли в девяностые, вместе с совхозами. На улицах появились иномарки, но их было сравнительно мало. И вдруг, в самом начале нулевых, – целая автомобильная революция. Машины завелись даже у людей, еще недавно еле сводивших концы с концами. Теперь они «стали на ноги». Люди уже не ограничивались одной машиной на семью. Сколько в семье взрослых, сколько совершеннолетних – столько и машин. Как-то постепенно стало исчезать привычное и всем понятное слово «иномарка». Считалось, что иномарка по определению лучше нашей машины, не важно «Мерседес» это или «Нексия».

¹ Проханов А. Господин Гексоген. М.: Ad Marginem, 2002. С. 474.

Теперь иномарок стало много, а в различиях между ними начали разбираться, наверное, даже дошкольники из старшей или подготовительной группы детского сада.

Из дворов убрали столы доминошников, исчезли и привычные старушки-сплетницы, что сидели на лавочках, кажется, со времен незапамятных. Неуютно стало во дворах. Воздух отравлен десятками автомобилей, да и сами лавочки уже поставить некуда. Всё свободное пространство заняли парковки.

Обзаводясь машинами, люди осуществляли давнюю, советских времен мечту. В СССР человек с машиной – состоявшийся, успешный человек. И вот теперь люди торопились доказать свою успешность, состоятельность. Если не хватало денег, брали кредиты. Иллюзия успеха? Да, но все же не вполне иллюзия. Красивая заграничная машина в собственности. Как ни крути, а сбылась мечта.

Начался бум потребительского кредитования. В девяностые банки ассоциировались с какими-то темными делами, с финансовыми аферами. Герой культового фильма поздних девяностых «Ворошиловский стрелок» приходит в банк, изумляется: «Денег в стране нет, а на какие шиши банки строятся?» В нулевые уже не изумлялись. Дорожку в банк протоптали миллионы простых людей. И банкиры давали им кредиты, зная, что большинство – честно отдадут деньги с процентами. Российский заемщик – ответственный, добросовестный, в меру пугливый – не станет нарываться на конфликт с могущественным финансовым монстром.

На деньги, свои и кредитные, ремонтировали квартиры, превращая старое жилье в комфортабельные апартаменты с удобствами, о которых и не мечтали еще несколько лет назад. Обычная, нормальная квартира без новомодного евроремонта перестала цениться («бабушкин вариант», как презрительно называют ее риелторы).

Однажды, как раз году в 2001-м, я услышал рассказ девушки, профессорской дочки, как она предпочитает проводить летний отдых, куда, к какому морю любит ездить. Это мне казалось историей из другой жизни. В 90-е и я, и очень многие жители моего города только вспоминали, как ездили на море еще в Советском Союзе. Пройдет несколько лет, и к морю снова поедут миллионы людей. Но уже не в старые, обжитые Сочи и Ялту, а в Турцию, Италию, Испанию, Таиланд, Малайзию, Индонезию, на Мальдивские острова – купаться в Индийском океане. Или на Канарские острова – купаться в океане Атлантическом. Круизы перестали быть привилегией немногих богачей. Жители спальных районов поехали на далекие южные моря, о которых их родители разве что читали у Жюль Верна. А многие молодые люди вовсе оставили скучную жизнь в холодной северной стране и поселились где-нибудь на Гоа или в Таиланде, Камбодже, Вьетнаме. Хочешь, купайся в океане хоть круглые сутки, хочешь – медитируй, постигай тайны буддизма, кришнаизма, шиваизма...

Оставшиеся на родине жили теперь тоже по-другому. В 70–80-е советским гражданам приходилось много часов проводить в очередях. И в нулевые люди снова начали проводить в магазинах по многу часов, только теперь они не в очередях стояли, а занялись «шопингом». Варваризм, у которого нет и еще недавно не могло быть русского аналога. Провести в торговом центре выходной день, оставить ребенка в комнате для игр, а самим часами подбирать новые наряды или еще что. Рассказали б мне в детстве о таком отдыхе – не поверил бы. «Общество потребления» складывалось у нас уже в советские годы, начиная еще с хрущевского времени. Но только в нулевые потребление стало настоящим образом жизни. И теперь уже не покупатели выстаивались в очередь за товаром, а сами продавцы готовы стать в очередь перед состоятельным покупателем.

Товары, что в советское время были для избранных, для номенклатуры и для золотой молодежи, в нулевые стали доступными. «Хотите попробовать французскую сигарету?.. Кто откажется от французской сигареты! На пачке нарисован петух и написано “Голуаз блё”», – спрашивает герой повести Василия Аксенова «Звездный билет», культовой книги начала шестидесятых. А герои Сенчина запросто покупают сигареты «Голуаз» в обычном ларьке.

А что говорить о бытовой технике, которая была некогда предметом роскоши? Когда-то квартиры грабили, чтобы унести телевизор или видеомагнитофон. Сейчас они и даром не нужны. Некуда девать. Плоский телевизор с огромным экраном, DVD-проигрыватели, компьютеры, ноутбуки стали доступны, дешевы, привычны именно в нулевые. В повести Сенчина «Ничего страшного», написанной в самом начале нулевых, ноутбук – еще редкий, диковинный и дорогой девайс. Муж Ирины, счастливый обладатель этого чуда техники, оправдывается перед ней: «Я на квартиру копил, <...> хотел снять однокомнатку, а тут вот предложили...» Для героев Сенчина середины – второй половины нулевых такое уже и не представить.

Совсем иначе стали питаться. В рассказе «Изобилие» 1995 года перечисляется богатый (сейчас кажется – скромный, а тогда вполне себе богатый) ассортимент продуктового магазина: «Колбасы – пять сортов вареной и три копченой. Сервелат, салями. Ветчина рубленая и просто ветчина (видимо, спутал лирический герой ветчинно-рубленную колбасу с ветчиной. – С.Б.). Сыры – “Нежный”, “Голландский”, “Костромской”, “Пошехонский”, какой-то еще с зеленой плесенью...» Но на все это ²изобилие нет у героя денег, даже на хлебешек нет... Магазин для него – как музей.

А вот герой рассказа «Сорокет» (вторая половина нулевых) с удовольствием ходит по магазину, неспешно выбирает, что взять: «Юрьев ходил вдоль рядов, складывал в пакеты одно, другое, третье. Помидоры, огурцы, зелень, куриные грудки (жена пусть запечет в сыре), сыр, несколько видов колбасы (сначала хотел активно рекламируемое “Останкино”, но остановился на проверенном “Вегусе”) – копченой, сырокопченой, салями, сервелата, бастурмы немного, буженинки, карбоната – для мясного ассорти; несколько видов рыбы – для рыбного. Маслины, оливки...» При желании он может взять даже «какую-нибудь дорогую ерунду вроде консервированных улиток или кенгурятины». В восьмидесятые так питались разве что большие начальники, представители номенклатуры или преуспевающие подпольные дельцы. В девяностые – «новые русские» (понятие, которое именно в нулевые забудут), то есть бизнесмены или бандиты, или бизнесмены-бандиты, очень быстро разбогатевшие. А герой «Сорокета» – обычный человек, не очень-то преуспевающий. Один из многих. Такой же и Денис Чащин из романа Сенчина «Лед под ногами». В юности был рад рису с килькой в томате, а теперь «почти автоматически» набивает сумки, пакеты «обычным набором: немного свинины, немного баранины, розовая, аппетитная говядина, немного телячьей печени, филе индейки. В одном из тонаров торговали полуфабрикатами. Недорогими, но качественными. Чащин любил манты и говяжьи рубленые бифштексы...» Он медленно возвращается домой, «с удовольствием приподнимая и опуская тяжелые, туго набитые пакеты». Не севрюжина с хреном, конечно, не роскошь. Просто сытная, благополучная жизнь. В истории России случались хорошие времена, но такого не было, кажется, никогда. Я не экономист, а потому не буду искать объяснения в ценах на нефть или в других причинах. Сенчин и его герои тоже не ищут. Он стал не столько аналитиком, сколько летописцем этой удивительной, уникальной для нашей истории эпохи.

Литературные нулевые начались почти одновременно с политическими. Литературные девяностые были разнообразны. Поздняя военная проза Виктора Астафьева не имеет ничего общего с «Кысью» Татьяны Толстой (опубликован в 2000-м, писался с 1986 года). Фантастические истории Юрия Буйды времен его «Бориса и Глеба» написаны для одного читателя, «Генерал и его армия» Георгия Владимова – совсем для другого. «Голубое сало» Владимира Сорокина, «Чапаев и пустота» и «Generation “П”» Виктора Пелевина, «Двести лет вместе» Александра Солженицына – становились литературными событиями, но написаны они как будто в разные эпохи. И все же тогдашняя «прогрессивная» критика настаивала, что мы живем в «ситуации постмодерна», в эпоху постмодернизма: «Кто-то (Михаил Эпштейн, Вячеслав Курицын, отчасти Марк Липовецкий) видел в его полистилистике наглядное проявление абсолютно новой

² Сенчин Р. День без числа: Сборник рассказов. М.: Литературная Россия, 2006. С. 80–82.

культурной парадигмы, что либо отменит, либо подвергнет деструкции все те художественные богатства, которые выработало и будто бы уже в архив отправило человечество», – вспоминает критик и литературовед Сергей Чупринин, главный редактор журнала «Знамя», открывший читателю Виктора Пелевина. Критики-посмодернисты искренне возмущались, когда премию «Русский Букер» (за лучший роман года, а позже – и десятилетия) вручили Георгию Владимову, писателю-реалисту, наследнику традиций Льва Толстого. В 2001-м студент МГУ Сергей Шаргунов написал в своем манифесте «Отрицание траура» про «агонию постмодернизма». Ему мало кто поверил, но исторически Шаргунов оказался прав.³

«Теперь самому смешно, – замечает Чупринин. – Поскольку постмодернизм – у нас по крайней мере – оставив в истории несколько впечатляющих литературных памятников, пошел “путем зерна” и тихо истлел, дав реализму подкормку, в которой реализм, безусловно, нуждался. Технический репертуар прозы действительно расширился, действительно вообрал в себя – да и то наименее отчаянные, наименее “безбашенные” – средства воздействия на читательскую психику. Вот, собственно, и все». ⁴

Реализм вернулся в русскую литературу и снова занял в ней первое место. И в том немалая заслуга Романа Сенчина. Мы читаем о прошлом по двум причинам. С одной стороны, нам любопытно, как жили люди в прошлом, как одевались, что носили, что ели-пили. С другой, нам более всего интересно, что люди и сто, и десять лет назад в чем-то похожи на нас. Они зарабатывают себе на хлеб, они ищут свое счастье, они влюбляются и разочаровываются в любимых. Мы ищем и узнаем самих себя даже в героях Чехова, Толстого, Шолохова, хотя общих черт с ними у нас все меньше. Тем более мы находим общее у современного русского писателя.

Сенчин умеет рассказать с необыкновенной точностью, дотошностью о жизни людей. По его книгам в самом деле можно изучать историю. Не политическую, не историю президентов и депутатов. А историю простого человека, историю повседневной жизни. Самую главную и самую важную для нас историю. И политика интересна Сенчину лишь тогда, когда она становится частью повседневной жизни человека. Как в рассказе «Тоже история». Впрочем, в нулевые это встречается редко. Люди заняты другим. Трудятся, отдыхают, растят детей, ведут жизнь, иногда тяжелую, иногда комфортную.

Фирменная черта Сенчина – знание жизни и внимание к деталям. Мы редко хорошо помним даже прошлогоднюю погоду, забываем, какие фильмы смотрели несколько лет назад. Далеко не каждый вспомнит, сколько он зарабатывал лет десять назад. Историки еще не успели заняться столь недавним прошлым, да и не уверен, что им хватит времени и сил, чтобы так подробно, детально, скрупулезно реконструировать жизнь людей, как это делает Сенчин. Из его повести мы узнаем, что доцент-филолог в солидном нестоличном вузе зарабатывал в начале нулевых около 2000 рублей. А его жена, торговавшая сигаретами в киоске, получала 2500. Узнаем, что пачка «Пэлл Мэлл» стоила 16 рублей, а «Голуаз» в красной пачке – 21 рубль, «Твикс» и «Милки Вэй» по 8 рублей. Пятнадцать минут попрыгать в детском замке-батуте – 15 рублей. Сенчин обычно указывает, какую именно колбасу, какой именно сыр покупают его герои. Мы знаем и ассортимент табачного ларька, и содержание лекций по древнерусской литературе, и заголовки статей в бульварной газете, и еще множество подробностей жизни. Только сначала они кажутся странными, излишними. Очень скоро понимаешь, что эти подробности бесценны. Кто сейчас помнит, какой фильм смотрели на видеокассетах (а позже – на дисках) много лет назад? Какой кофе пили? «Кофе он пьет в последнее время “Пеле”, а кружка с надписью “Нескафе”». «Нескафе» и сейчас продают, но, если б не Сенчин, я бы и не вспомнил о кофе «Пеле», который активно рекламировали в начале нулевых.

³ Шаргунов С. Отрицание траура // Новый мир. 2001. № 12.

⁴ Чупринин С. На круги своя, или Утраченные иллюзии. Девять с половиной тезисов // Знамя. 2017. № 2.

Впрочем, Сенчин не дает нам забыть, что и в «тучные» нулевые очень многие люди жили бедно. Едва ли не добрая половина героев этой книги трудится на собственных огородах, чтобы не тратить свою «зарплатку на базарные огурцы и перемороженную свинину». Даже выловленных на рыбалке карасей не поджарить – на масло денег не хватает: «Так его ж покупать надо! Бутылка-то тридцать пять, что ли, рубликов...»

Доцент Губин и его семья не голодают, но лишних денег нет. Возможность подработать довольно необычным (читатель этой книги узнает, каким именно) путем – очень выручает его.

Может, сгущает краски Роман Валерьевич? Бедность в тучные нулевые? Да, и в нулевые бедности было сколько угодно. Вот вам подлинные мемуары преподавателя, кандидата наук, серьезного ученого, который работал в нескольких коммерческих вузах Екатеринбурга: «В 2007-м у меня родился первый ребенок, и вот тогда начались проблемы всерьез. Начался натуральный голод. Не такой, конечно, как в блокадном Ленинграде, но все же пугающий своим отчаянием, которое меня начало охватывать. Голод – это когда начинаешь критически экономить на еде, а денег все равно ни на что не хватает. Когда не знаешь, что еще можно продать или у кого еще можно занять, чтобы купить детское питание своему малышу. И так продолжается неделя за неделей, месяц за месяцем. <...> На рубеже нулевых и десятых годов мне довелось от УрГУ поехать в Челябинск для проведения в местном госуниверситете тура региональной олимпиады абитуриентов по истории. Ко мне тогда для сопровождения приставили одного молодого местного преподавателя, кандидата наук, который всего на несколько лет был старше меня. Официальные мероприятия завершились быстро, большая часть дня прошла в разговорах с ним. Он был женат, жена работала в том же вузе. Университет “любезно” предоставил им комнату в общежитии с двумя койками. На пару они зарабатывали чуть более 20 тыс. рублей в месяц. И они твердо знали, что у них никогда не будет ни детей, ни своего жилья, ни полноценной семьи с собственным бытом и хозяйством. А будут только ежегодная борьба за физическое выживание, предполагающая крайнюю экономию на всем, бесконечная и все более возрастающая учебная нагрузка и бесконечные унижения».⁵ Это тоже нулевые.

В рассказе 2001 года герои «За встречу» пьют разбавленный спирт, закусывая солеными огурцами и пирожками с картошкой. В середине нулевых Николай Дмитриевич из рассказа «Тоже история» может оценить, хорош ли двойной эспрессо в столичной кофейне. Меняется стол, меняется жизнь, меняются привычки героев, их профессии, занятия. Остается неизменно лишь ощущение бессмысленности, неправильности жизни. Благополучие Никиты из повести «Конец сезона» эфемерно: ему уже тридцать два, многое в жизни он упустил. После тридцати пяти на работу не берут, осталось три года...

Герои Сенчина часто говорят о счастье, но счастья этого не находят. Оно еще более призрачно, чем благополучие: «Их счастливая пора, как оказалось, уместилась в несколько коротких осенних недель, когда они встречались урывками – то он поджидал ее после лекций возле университета, то она пробиравась в его театральную мастерскую» («Ничего страшного»). А потом муж уходит из семьи, и жена не знает, брошена она или нет, есть ли у нее муж? А у продавщицы из рассказа «Пусть этот вечер не останется...» и мужа-то нет. Вроде бы она любима, но будет ли у нее дом, семья, дети? Ей кажется, что, если будут, придет счастье. Увы, так бывает в добрых наивных фильмах, а не в жизни героев Сенчина. Среди его героев много семейных, но все они еще дальше от счастья, чем холостые и незамужние. Даже дети в этом мире обречены: «Жизнь сложилась как сложилась, Татьяне Сергеевне почти пятьдесят, внуку вот-вот четыре. Одна надежда, что у него все хорошо сложится. Слабая надежда, если откровенно признаться...»

⁵ Лабаури Д. Время, когда последние становятся первыми. Размышления на тему потерянного десятилетия // Урал. 2019. № 3.

Многие герои Сенчина заняты нетворческим физическим трудом. Ухаживают за огородами, сажают картошку, работают продавцами (одна из самых распространенных у него профессий, еще один знак времени), шоферами, милиционерами. Их работа нужная, необходимая, но как будто бесперспективная. Сколько ни старайся – все одно и то же. Вроде бы и стараются люди, надрываются даже, а ничего не меняется в жизни. В прошлом году пропалывали грядки, окучивали картошку, собирали урожай. И в этом году то же самое, и в следующем будет, если только какого-нибудь несчастья не случится. Труд его героев-интеллигентов, если вдуматься, гораздо хуже.

Что толку, если доцент преподает «в пединституте, рассказывая из года в год все одно и то же, а потом на экзаменах слушает сбивчивые пересказы собственных лекций...» Кому эти лекции нужны? Сенчин одним из первых ставит вопрос о бессмысленности высшего образования в современном обществе. В нулевые годы, как и еще прежде, в девяностые, высшее образование стало почти всеобщим. Только что кошки с собаками еще не обзавелись дипломами. Только вот вопрос – зачем? «На улицах Юрий Андреевич то и дело встречает знакомые лица тридцати-, двадцатипятилетних парней и девушек; и каждый раз как поленом по голове, когда узнает он в троллейбусной кондукторше бывшую бойкую девчущку, отлично прочитавшую доклад на тему “Областнические тенденции в литературе Древней Руси”». Жизненно, что уж там говорить.

Бессмысленность существования – одна из главных тем философии прошлого, двадцатого века, не потерявшая актуальности и сейчас. Вот этой бессмысленностью более всего мучаются герои Сенчина. Не только его, конечно. В точности описаний, в узнаваемости социальных типажей Сенчин подобен Эмилю Золя. Но русский Золя не останавливается на этом, превращаясь... в русского Сартра.

Жизнь продавщицы чайной колбасы или сигарет «Ява Золотая» может быть куда более трагична, чем, скажем, жизнь Антуана Рокантена из романа Сартра «Тошнота». Антуан куда более свободен. Он не должен тратить время и силы на опостылевший труд, только чтобы выжить, заработать на жилье и еду. Он может выбирать, что ему делать. Остаться в Бувиле или вернуться в Париж. Писать ли дальше о надоевшем ему маркизе де Рольбоне или начать роман. Трагедия Лены или Ирины глубже, их жизнь воистину беспросветна. Им романа не написать. Большинство героев Сенчина (включая и преподавателей, писателей, художников) не могут обрести счастье в творчестве. Им остается просто жить ради жизни, потому что так уж заведено. Потому что даже бессмысленная жизнь лучше, чем небытие. А в жизнь вечную герои Сенчина не то чтобы не верят, но как-то о ней не задумываются. Доказав бессмысленность жизни, писатель не приходит к жизнеотрицанию. Герой Сенчина скорее будет отрезать от собственного тела куски плоти и есть их, чем покончит самоубийством. Самоубийство – трусливый и противоестественный шаг.

Нулевые окончились не под бой кремлевских курантов 1 января 2011 года. Настоящий конец нулевых – это прекрасная и зловещая Олимпиада в Сочи в 2014-м. В Москве, во время эстафеты олимпийского огня, факел погас четыре раза. Олимпийский Мишка чем-то отдаленно напоминал украинского президента Януковича, которому оставалось жить в Киеве последние дни. А в день закрытия Игр странно было видеть постаревшего Путина, полного какой-то мрачной решимости.

Конец эпохи гламура, конец вовсе не беззаботной, но все же какой-то легкой, приятной жизни, что стала привычной именно в нулевые. Время дешевого доллара и дорогого рубля, заграничного туризма и холодильника, полного импортных деликатесов (свои только учились делать заново), шикарных машин и доступных кредитов. Вернулось время бунтарей и поэтов, добровольцев и наемников. Оказалось, что в России остались пассивные люди, которые живут не ради выплаты ипотечного кредита, не ради квартальной премии или нового урожая картошки. Может быть – к сожалению, остались, без них жизнь была бы понятнее, проще и

легче, но поучать историю нелепо. Мы можем лишь изучать ее законы, а не навязывать их. Так или иначе, колесо истории сдвинулось, наступила другая эпоха, о которой пока рано говорить. Нулевые – тучные, сытные, гламурные – отодвинулись в сумерки исторического прошлого. Между тем герои Сенчина перешли из нулевых в десятые, а теперь уже и в двадцатые. Их жизнь – погоня за ускользающим счастьем, поиск смысла в бессмысленности жизни – темы вечные, актуальные и во времена Чехова, и в недавно прошедшие нулевые, и в наши дни.

Сергей Беляков

НУЛЕВЫЕ

Проза начала века

За встречу

Полтора месяца, почти все каникулы, Андрей благополучно скрывался за забором в ограде. Погулять по селу, с приятелями встречаться в этот раз совсем не тянуло, даже в магазин сходить или в клуб, а рыбачил он прямо в огороде – метров двадцать берега пруда лежали на их участке...

Но как-то вечером, уже под самый конец августа, вышел за водой и влил. У колодца на лавочке трое парней разводили спирт.

– О, Дрюня! – первым узнал его долговязый, чернявый Олег – Олегыч, – парень лет двадцати, живущий на соседней улице. – Здорово-ово!

– Привет, – ответил Андрей без особой радости, примостил ведра на краю лавочки; вытер руку о штормовку, протянул парням.

В первое лето, когда он приехал сюда с родителями, почти сдружился с Олегом, еще с некоторыми, кто жил в околоте. Валялись на пруду, пили пиво, вечерами ходили на танцы или в кино или просто гуляли по улицам, к девчонкам подкатывали. Такая жизнь Андрею понравилась, деревенские парни оказались совсем не страшными, и его, бывшего городского, да тем более из другой, можно сказать, страны, из Казахстана, приняли в свою компанию, даже как-то выделяли, уважали.

Но спустя год Андрей почувствовал, что надо что-то делать. Менять. Каждый день и каждый вечер были одинаковыми, разговоры и дела у парней тоже повторялись почти с детальной точностью. И в июле он взял документы и поехал в город, неожиданно легко поступил в пединститут. И вот уже четыре года появлялся дома, в маленькой трехоконной избушке, в хоть и большом, но дальнем селе, спрятавшемся между хребтами Саян, на два летних месяца. В первое время еще по привычке радовался парням, загорал на берегу пруда, ходил на танцы, катался на вечно полуживом, трескучем, но никак не умирающем «Урале» – гордости и драгоценности Вовки Белякова, которого все почему-то называли Редис и Редя. А потом, приезжая, почти не выходил за ворота, при редких встречах с ребятами на их предложение «посидеть, пропустить», как мог, отказывался – «сейчас не могу, жалко, дела...»

И сегодня – то же.

– Пропустить не хочешь? – спросил коренастый, почти квадратный, с короткой стрижкой, в старых, истресканных сапогах-дутьшах татарин Ленур. – Пойла набрали вот, а хавчика нету. Возьми чего зажевать – и поторчим.

– Да холодно... – Андрей поежился. – Может, завтра днем?

– Да чё ты! В сторожке прекрасно, – мотнул головой Олегыч в сторону развалин поши-вочного заводика в конце улицы. – Там печка, всё. Давай, Дрюнька! Да и надо ж – за встречу.

– И как житуха городская, расскажешь, – добавил Вица, третий в компании.

Ленур энергично-аппетитно взбалтывал двухлитровую пластиковую бутылку с разбавленным спиртом, даже язык чуть высунул. И Андрей согласился:

– Ладно, только воду сейчас отнесу.

– И возьми закусить. Хлеба хоть, лука!

– Мяска там...

* * *

Мама расщедрилась на соленые огурцы, несколько пирожков с картошкой, полбулки хлеба, пару головок лука. Отрезала сала с прожилками. Заодно, собирая пакетик, раз десять испуганно, будто провожая Андрея на опасное дело, попросила быть осторожней, скорей воз-

вращаться... Андрей слушал ее с улыбкой: да, когда ребенок перед глазами, о нем, наверное, душа болит куда сильнее, чем когда знаешь, что он далеко и живет самостоятельно. По себе он знал, что вдали от родителей их существование представлялось разнообразным и спокойным, надежным, работа их – благодатной, а стоило приехать, увидеть, как и что – и дня хватало, чтобы захотелось сбежать...

И сегодня, с удовольствием вроде бы занимаясь делами, Андрей чувствовал грусть какой-то бесконечной и неисправимой безысходности. Выдергивал засыхающие, с отрезанными шляпками будылья подсолнухов, отщипывал ногтями бесконечные усы ягоды виктории, рвал сорняки, готовые высыпать на землю свои семена, и понимал, что такая работа никогда не кончится и на будущий год будет то же самое. Весной вскопка, посадка, летом прополка, полив, подкормка настоявшимся во флягах навозом, а под осень – сбор жиденького урожая, кучки ботвы, снова копка земли, чтоб померзли личинки, чтоб весной земля помягче была. И так – бесконечно. И если у него еще есть какие-то шансы изменить свою жизнь, то у родителей, кажется, уже всё... Когда-нибудь он похоронит их на здешнем маленьком кладбище, что лежит на опушке леса, а точнее – на границе села и дикой горной тайги...

– Ты где будешь примерно? – на прощанье спросил отец. – На всякий случай знать?

– В сторожке у пошивочного, скорей всего... Да я скоро вернусь. Просто надо же с местными отношения поддерживать.

– По идее-то надо, – отец кивнул невесело; у них с мамой это не особенно получалось – ни хороших знакомых, ни друзей тем более они за эти годы не нашли. Они здесь все-таки люди другого мира, городского. – Ну, счастливо...

Пока собирался – стемнело. Темнело тут быстро – стоило солнцу заползти за хребет, что чуть ли не нависал над селом, – и тут же наступала ночь. Будто выключали в чулане лампочку... Дни были даже в июне короткими. Поэтому и росло почти всё на огородах плохо. Только капуста не подводила, морковка, виктория и, конечно, картошка...

Олегыч, татарин Ленур и вечно смурноватый, слегка хромоногий Витя по прозвищу Вица ждали у колодца. Сидели на спинке лавочки, отпивали по глотку спирт из бутылки, запивали водой. Если бы не Андрей с закуской, наверняка так бы и рассосали все два литра, не заедая, или, что вероятней, полезли бы к кому в огород. Добыли чего-нибудь.

– Во, ништяк, ништяк! – Ленур увидел пакет у Андрея в руке.

– Прекрасно посидим, – добавил Олегыч и соскочил на землю. – Айда!

* * *

Пошивочный заводик находился в конце улицы с красивым названием Заозерная. Стоял несколько на отшибе; ворота виднелись по улице издалека, словно бы звали, манили работников к себе, машины с грузом или за грузом.

Два лета назад он еще вовсю функционировал, выпускал мешки из пеньки, давал работу двум сотням жителей, а позапрошлой зимой – сгорел. Сгорел дотла. Лишь каменный фундамент остался.

То ли случайно это произошло, то ли кто-то поджег. Родители рассказывали Андрею, что удивительно быстро сгорел, в полчаса. Головешки, как ракеты, по небу летали... Тушить никто не пытался.

И вот теперь осиротело ржавели на пригорке ворота (забор после пожара весь растащили), а чудом не съеденная огнем и пощажённая людьми сторожка служила местом выпивок и свиданий у молодежи...

– Во-о, ништя-ак, – улыбался Ленур, всё поглядывая на Андреев пакет. – Теперь можно...

– Прекрасно посидим, – добавлял Олегыч. – Не в обиду...

Сторожка имела почти жилой вид. Даже огарок свечи на столе лежал, а у железной печки лежали дровишки. Окно без стекол затянуто мешковиной.

Пока самый деловитый из парней Олегыч разбирался с закуской, Вица и Ленур пытались растопить печку. Привычно и беззлобно переругивались:

– Да куда ж ты, бляха, сразу коряги эти суешь? Дай разгореться.

– Ага, счас жар спадет, и эти хрен примутся!

– Вица, да ты долбон. Я и не знал!

– Гля, в торец схлопочешь, поскоть драная...

Андрей достал сигареты, присел на чурку возле стола. Теперь он слегка жалел, что притащился сюда. Зачем? Лучше бы провел вечер дома, в своей украшенной книжными стеллажами комнате, почитал, полистал бы энциклопедии, альбомы с коллекцией марок, которые собирал в детстве, караулил новые заводы в магазинчике «Филателия»...

– Айдайте, готово, – празднично объявил Олегыч. – Как в лучших домах.

– Н-но! – Вица, потирая грязноватые руки, устроился на пластмассовом ящике из-под колы.

Появились из тайника – щели в полу – три белых пластиковых стаканчика; один, треснувший, пришлось выкинуть. В оставшиеся потек спирт.

– Вица, Дрюнчик, глотайте первыми, а мы с Лёнчей, так и быть, во второй партии.

Ленур поморщился:

– Ты как в армейке базаришь. Кончай. Там тоже всё партии – на призыв, блин, на дембель...

– Ну, оттарабанил же, – усмехнулся Олегыч, – чего ее вспоминать? Полгода дома...

– Угу, сходи, я потом посмотрю, сколько ты ее помнить будешь.

– Ну, погнали, – поднял Вица стакан. – Давай, Дрюня, за встречу...

– Давай.

Выпив сладковатый, некрепкий спирт и куснув пирога, Андрей слегка удивленно заметил:

– А я и не знал, Лёня, что ты успел послужить. Вроде бы постоянно тебя здесь видел.

Татарин обидчиво выпятил губы:

– Не знаю, кого ты тут видел. Два года как с куста в Карасуке. И без отпуска.

– Летит время...

– Это здесь летит, а там... сукин хрен! – Ленур с размаху влил в себя спирт, громко, будто ошпарившись, выдохнул: – К-ха-а... С чем пирожки?

– С картошкой. А где это Карасуль?

– Карасук, бля. Новосибирская область. Юг. Рядом с твоим Казахстаном. Дырища.

– Понятно...

Олегыч набулькал в освободившиеся стаканчики, перед тем как выпить, поинтересовался:

– Как живешь-то вообще, горожанин?

– Так, – дернул плечами Андрей, – ничего.

– Ты ж в педи, да?

– Ну да.

– И чё, когда закончишь? Сюда думаешь возвращаться?

Андрею стало совсем неприятно. Вымученно кивнул:

– Наверно. Куда ж еще...

– Так, пьем или как? – встрял Вица.

Приняв по первой порции, довольно долго сидели молча. Курили. Огонек свечи колебался от сквозняка, по стенам и потолку бегали, метались жирные тени.

– Как ни крути, а в городе лучше, – произнес в конце концов Ленур.

– Кхе, – тут же смешок Олегыча, – хорошо, где нас нет.

– Не скажи. Я вот проучился в путяге три года, пробухал всю дорогу. Надо было как-нибудь там цепляться. Тетку найти, опылить, жениться... Потом вот армейка. А теперь чего? Двадцать два хлопнуло. А здесь чего ловить?

Андрей вздохнул:

– Да и там особо нечего. – И почувствовал в голосе неправду, и испугался реакции парней на эту неправду.

Но Вица выручил – хмыкнул, наполняя стаканчики:

– Когда башлей нет – везде хреновасто.

– Во, во! – с какой-то радостью, что ли, подтвердил Олегыч. – Это ты в точку.

Задымившая при растопке печка теперь наладила свою работу, тяга была аж с подвыванием. То Ленур, то Вица подбрасывали в нее сучья и разломанные трухлявые доски.

– Гудит-то как, – сказал Андрей. – Завтра солнечно будет.

– Днем солнечно, а ночью дубак.

– Пора уже... – отозвался Ленур.

– Чего пора-то? Чего, блин, пора? – с неожиданной ожесточенностью вскричал Олегыч. – Я б зиму тыщу лет не знал! Вот зимой в натуре ловить нечего. Ни здесь, ни где...

– Летом, ясно, прикольной: тетки, танцы, пруд. Валяйся где хочешь.

– Да чё базарить, – осадил их Вица, – давайте глотнем.

Глотнули. Сначала Вица с Андреем, потом Ленур с Олегычем. Стали вспоминать лето.

– Нынче меньше приезжих было.

– Вообще какое-то пресное получилось. Вот в тот год...

– Да ну, и это прекрасное лето!

– Ничего прекрасного. Прекрасное, кхе... На танцы вход по тридцатине стал, и бесплатно хрен пролезешь. Одно дело с городских драть, а то с нас...

– Подпалить бы скотов! – прошипел вдруг Вица; Ленур и Олегыч уставились на него.

Олегыч очнулся первым:

– Бля, ну ты и мудел, вообще! А без клуба чё делать будешь?

– Н-дак, можно подумать, ты там каждый вечер торчишь...

– Под крыльцом! – гогот Ленура.

Вица досадливо вздохнул и снова взялся за бутыль...

– Нет, чуваки, летом все-таки прекрасно жить, – повторил Олегыч свою позицию и сочно потянулся. – Пруд хотя бы... С утра ни пришел, окунулся и лежи на песочке. Один бухла подгонит, другой – чего на кишку. Да мне и танцев особо не надо. Всё равно с танцев на пруд все валят, а я уже там с кастриком, с окуньками печеными. И любая клавиша – моя.

– Да уж, аха, – усмехнулся Вица. – Как его?.. Идиллия.

– А ты чё, Дрюньчик, – обратился Олегыч к Андрею, – так скучно жить-то стал? Как не увижу – на огороде всё, всё чего-то роешься. Купаться даже не ходишь.

Андрей пожал плечами:

– Устаю, времени нет. Родителям же надо помочь.

– Вам повезло, – теперь Вица вздохнул как-то грустно-завистливо, – вода под боком, а у нас из колонки такой ниткой течет – за полчаса ведро... Ни хрена напора не стало.

– Какой там напор, – поддерживает Ленур, – башня рухнет вот-вот. Все кирпичи размякли, от труб одна ржавчина...

* * *

Разговор полз медленно, словно бы через силу, то и дело прерывался, перерастая в бессвязные мыки и хмыки. Парни, знал Андрей, и раньше на слова были бедны, их языки развя-

зывались лишь при девчонках да после какого-нибудь особенно зрелищного фильма в клубе или по телевизору. А в основном же слышались междометия, кряхтение, матерки, сплевывание через щербины в зубах... И сейчас казалось, что им смертельно надоело сидеть здесь, в тесной, полутемной сторожке, пить жиденький спирт и пытаться общаться, но они почему-то всё не могут разойтись. Они будут сидеть долго-долго, по крайней мере – пока не опустеет бутыль.

Чтобы как-то расшевелить их и себя, Андрей спросил:

– Что-то Редю давно не видно. Тоже, что ли, в армии?

– Какое – в армии! – усмехнулся Ленур. – Мне б лучше в армии на два года больше, чем как Редису.

От родителей Андрей знал, что приключилось с Вовкой Беляковым, но сейчас изобразил удивление:

– А что такое?

– Да что... Загремел он не хило, – ответил Олегыч, наливая в стаканы граммов по тридцать.

– Из-за чего?

– Да из-за тупи своей... Глотайте.

Андрей и Вица выпили. Ленур и Олегыч – сразу за ними. Вица, слегка запьяневший, сделавшийся общительнее, чем обычно, стал рассказывать:

– Тупи я тут не вижу особой. Если так судить, он правильно сделал всё... Ну, короче, это, в конце июня, когда все к бабкам своим съезжаться стали, как раз более-менее зажилось. На Ивана Купалу классно поотжигали...

– Да, – Андрею вспомнилось одно из невеселых последствий этого отжигания, – на колодце кто-то с журавля груз снял, потом вешать обратно замучились.

Олегыч многозначительно и довольно усмехнулся. А Вица, всё распаляясь, продолжал:

– Ну и Редис втюрился в одну приезжую, из Братска вроде она. Я ее вообще раньше как-то не видел.

– В Юльку Мациевскую, – уточнил Ленур. – Нехилая тёточка вызрела!

– Нехилая, а Редис из-за нее, суки, вон...

– Это понятно.

– Ну...

– М-да...

– А к этой Юльке, – оборвал Вица нить скорбных вздохов, – стал Гришка Болотов из Знаменки подкатывать. На танцы сюда на своей «Яве» каждый раз пригонял... Мы даже собирались ее увести, до того достал, урод, но потом же со знаменскими воевать – на фиг надо. Их-то раза в три больше – загасят.

Между их селом, в котором жили раньше в основном татары, и соседней русской Знаменкой, что километрах в пятнадцати и ближе к городу, издавна тлела вражда. Было время, парни пару раз в год сходились где-нибудь на нейтральной территории и устраивали побоища. Обязательно одного-другого увечили. Но потом их село стало хиреть, многие семьи перебрались как раз в Знаменку, и открытая война стихла.

– И Юлька эта, короче, на Редисика ноль внимания, – медленно, с трудом подбирая подходящие слова, вел повествование Вица, – а он прям бесится, серый весь стал. Втюрился, как этот самый... Каждый вечер на танцы, когда башлей нету – на крыльце стоит или в окна заглядывает: где там, блядь, Юличка. С Гришкой по пьяни всё рвался схлестнуться, мы еле держали.

– Я ему сколько раз: «Блин, Редя, забей. Девочек вон сколько других. Выбирай и дрюч, никто слова не скажет», – подключился к рассказу Ленур. – Их штук двадцать приехало, и все хотят, и все не хуже Юльки этой. Нет, как чокнутый – только о ней и о ней.

– Чуть не ныл, когда она с Гришкой на «Яве» рассекала. А у него «Урал» как раз сдох окончательно, он целыми днями с ним возился, но чего-то...

- Да чего, – опять перебил Ленур, – мотор переклинило. Тут уж – всё.
- Уху... Но, эт самое, к Гришкиному мотику, когда он у клуба стоял, не подходил даже, даже колеса не порезал. «Я, – говорит, – буду в открытую. Я его задавлю, клянусь». Ну, Гришку. Олегыч подвинул Андрею и Вице стаканчики.
- Опрокиньте.
- Долго он терпел, – опрокинув и наскоро закусив, вздохнул Вица. – И вот недели две назад случилось. Ты уже тут же был? И не слышал, что ли?
- Да нет, – соврал Андрей. – Я ведь и не ходил никуда.
- У, ясно... И вот Юлька, короче, собираться стала домой, а с Гришкой у нее крепче и крепче. Он каждый вечер тут, даже мотик стал в ограде у Мациевских ставить. Жених, дескать, все дела... И Редис тут сорвался. Ну... Мы тогда вместе сидели, спирта взяли... Я, Редис, Лёнча вот, Димыч, Пескарь...
- Нажрали-ись, – с ностальгической грустью вставил Ленур.
- Нажрались охренеть как, еле стояли. И решили в клуб идти, хоть башлей уже ни копыя. Решили силой вломиться, отжечь там по полной.
- Ну дак, там веселье каждый день, а мы как эти...
- Выбирать надо, парни, – пустился в рассуждения Олегыч. – Так мало кому удается – и чтоб бухать, и потом в клуб цивильно... А так – или пить, или...
- На фиг мне трезвому в клубе? Чего там делать? – возмутился Вица. – Я лично трезвым вообще ничё не могу...
- Разговор не спеша, но всё дальше отступал от истории с Вовкой-Редей... Устав слушать малопонятные высказывания о танцах, выпивке, деньгах, Андрей прервал их вопросом:
- Так что там случилось-то?
- Ну, что... Дотащились до клуба, глядим, а его нет. Ну, Редиса. Делся куда-то. Думаем, срубанулся, задрых в кустах где-нибудь. Он-то заглатывал дай боже в тот раз, как в последний раз будто...
- И получилось, что в последний.
- Ну не навсегда же! Ты чё, Лёнча?!
- Кхм...
- Стали в общем искать, обратно сходили. А датым-то как искать? Сами еле держимся... Вернулись к клубу опять, а там суетня, народ вокруг носится, ор такой!.. Ну, я плохо помню, что там и как в подробностях... Короче, оказалось потом, сбегал Редис до дому, взял топор – и туда. Вломился, и прямо на Гришку. Рубнул его вот так вот... Всё плечо разрубил, ключицу вывернул.
- Чё на себе показываешь? – поморщился Олегыч. – Дурак, что ли...
- Фу-фу-фу, – Вица замахал перед собой, словно отгоняя злых духов. – На фиг, на фиг... Андрей вздохнул:
- М-да-а...
- Н-но! – кивнул Ленур, и в его тоне послышалась смесь сожаления, что так произошло, и гордости за геройство друга. – Творанул Редя – надолго запомним.
- Ладно, давайте, – Олегыч кивнул на стаканчики.
- Выпили молча, слушая завывания в печке. Ленур понюхал сало и отложил. Вица стрельнул у Андрея сигарету «Союз-Аполлон» – «давай-ка вкусненькую покурим» – и продолжил:
- Кто-то за участковым сбегал, за фельдшерницей. Танцев, ясен пень, не было больше. А Редис в суетне опять смылся, мы его так и не видали... Юлька тоже сбежала. Гришка этот один на полу валяется, посреди зала, вокруг кровищи – вообще. Топора не было. Мы посмотрели, на крыльцо вышли...
- Не, погоди, – перебил Ленур, – там его директриса перевязывать пыталась. Теть Валя. Так бы, наверно, в натуре бы вся кровь вытекла.

– Уху, хлестала дай божё... Короче, приехала скорая из Знаменки через час где-то, ментов бригада. Двое суток Редиса искали, всё вокруг облазили, все лога. По дворам шмонали. Засады везде, как в кино, собака следы нюхает... Нигде, будто утонул, в натуре...

– И ведь понятно, – снова встрял Ленур, – что некуда деться ему. Ни башлей, ни родни нигде, кроме как здесь...

– Сам потом сдался.

– Теперь парится. Через месяц, говорят, где-то суд. Лет пять могут завесить.

– Да ну! – вскричал до того вроде бы придремавший Олегыч. – Больше! Если бы сразу остался, то пять, скорей всего, а так – семь, самое малое. Если этот еще выживет.

– Но, может, смягчение – что любовь там, ревность...

– Хрен знает...

Андрей слегка иронично вздохнул:

– Любовь, оказывается, дело серьезное.

– Ай, да фуфло это, а не любовь! – отмахнулся Вица. – И есть она вообще? Просто в башку втемяшилось, мол, только эта и никакая больше. И всё. Просто дурь голимая.

– Да, блин, не скажи-ы! – Ленур замотал головой. – У меня тоже было, давненько, правда, так я по себе знаю: тут уж башка отключается, вот здесь, – он потер себя по груди, – что-то так... прямо горит.

– Душа? – усмехнулся Олегыч, как-то мудровато-снисходительно усмехнулся.

– Ну... может... Хрен знает...

* * *

После этого долго молчали. Курили. Потом молча же выпили и стали доедать закуску – спирт разжег аппетит, только вот на мозг действовал не особенно. Бутыль почти опустела, а парни были почти трезвые.

– Эх, прости Аллах... – После долгой откровенной борьбы Ленур сдался и бросил в рот ломтик сала, заел большим куском хлеба; на него посмотрели с улыбкой, но промолчали.

– Слушай, Дрюнча, – обратился к Андрею Вица, – вот твоя мать всё о культуре говорила что-то такое, вот про любовь тоже, про прекрасное. Так?

Вица из ребят был самым младшим, лет девятнадцать ему, поэтому успел побывать на уроках, которые, переехав в это село, стала вести мама Андрея. Уроки эстетики для пятых – девятых классов.

– Ну, – осторожно подтвердил Андрей, предчувствуя и настраиваясь на спор. – И что?

– Да, понимаешь... – Вица помялся, почесал кадык, а затем решился и начал, по обыкновению трудно подбирая слова: – Ее вот послушать, так всё в жизни чудесно, люди все правильные такие. Ну, в основе. Понимаешь, да? Этот... как его... Чехов, он вообще, по ее словам, какой-то святой. Людей лечил чуть не даром, был бедным, не воровал, еще и книжки писал хорошие... Или про небо как рассказывала, про созвездия всякие, про галактику. Хе-хе, спцом, помню, зимой собирались вечером, когда небо ясное, и по два часа на морозе искали, где какая Медведица, где Овца... И интересно казалось так, важно...

– Я уже не учился тогда? – спросил Ленур.

– Ну дак! Ты ж меня на три года старше, ты в путяге был уже.

– У-у...

– И к чему ты про это? – поторопил Андрей Вицу.

– А? Ну, я к тому, что ее слушаешь, ну, твою маму, так она эту нашу житуху и не видит, ну вот эту, эту всю, а там где-то витает в созвездиях, в прекрасном во всем. И других заражает. Мне вот лично как-то тяжело становилось, как будто мне внутри скребли чем-то таким. Ну, раздражение, короче, тоска такая... И до сих пор.

– Это и правильно! – оживился Андрей. – Значит, в тебе, Витя, борьба происходит. Может быть, благодаря этому ты силы почувствуешь и взлетишь.

– А-а, кончай. И твоя мать... Не помню уже, как ее зовут, извини...

– Валентина Петровна Грачева.

– Уху, – кивнул Вица. – Вот... Она о прекрасном расскажет и идет картофан тяпать, навоз ворочать. Какие ж созвездия, бляха? Если уж взлетать, так по полной взлетать.

– Давайте-ка лучше еще долбанем, – предложил Олегыч. – Что-то куда-то вы углубились в другую сторону...

– Жизнь, понимаете, это борьба, – выпив, заговорил Андрей довольно раздраженно, то ли за маму обиделся, то ли решил парням что-то серьезное объяснить. – Постоянная борьба, постоянное сопротивление вонючим волнам животных потребностей. Практически все, что нас окружает, тянет нас вниз, в грязь, в яму сортирную. Но, понимаете, человек живет не для этого, не для низа. И единственный способ не свалиться – это сопротивление. Ну, пусть не взлететь, но хотя бы делать попытки держать рожу вверх, не глотать дерьмо. А иначе... Помните, глава района сюда приезжал? И была встреча с учительским коллективом...

– Когда это? – нахмурился Ленур.

– Лет пять уже. И он там сказал учителям: «Здесь, в сельской местности, образование людям только вредит. Детям сказками всякими мозги пудрят, а потом они бегут отсюда, ищут сказки, а от этого только и им хуже, и селу, и всем». Почти как ты сейчас, Вить, говорил... И те, кто возвращаются, всю жизнь, дескать, сломленные, усталые, развращенные, ничего делать здесь не хотят, спиваются... и потом открытым текстом уже: «Зачем трактористу или доярке постулаты Бора, формулы тригонометрии? История Столетней войны?» У мамы потом приступ астмы случился, после этого совещания. И тогда я решил ехать в институт поступать... Нужно к чему-то стремиться, что выше, потому что иначе какое будет отличие людей от свиней там, коров, куриц? У них одно предназначение: рожать себе подобных на пропитание нам, а у человека назначений... – Андрей резанул себя по горлу ребром ладони, – вот сколько.

– Хоть одно чисто человеческое назови, – хитро прищурился Олегыч.

Андрей задумался, и заметно было, как пыл его гаснет, словно воздух вылетает из продырявленного, не туго надутого шарика.

Честно сказать, у него было очень сложное отношение к этому высокому стройному парню, черноволосому, носастому, слегка похожему на цыгана. Олегыч, по рассказам, отучился в школе года четыре, мать его страшно пила, отца когда-то за что-то убили; он, кажется, никогда никуда не уезжал из села, ничего не читал, но как-то природно, первобытно был очень умен. Недаром и прозвище у него было простенькое и уважительное – Олегыч. И этим своим природным, первобытным, хищным умом он был и симпатичен Андрею, и опасен. А от этого любимого Олегычева словца «прекрасно», у Андрея неизменно пробегали по спине крупные ледяные мурашки, будто слышал он нечто жуткое.

– Н-ну...

– Ладно, братва, хорош грузиться! – сказал Вица. – Зря я начал про это... Ясно, надо взлететь стараться, навоз не хавать. Вот мы и, хе-хе, подлетаем, в меру силенок. – Кивнул на бутыль. – А иначе чего? Захлебнешься или из сил выбьешься. Лошадь вон может без остановки пахать, а потом ляжет и всё – и сдохла. Скучно, конечно, поэтому и... Редис вот любовь себе придумал, носился с ней, как этот.

– Доносился, – хмыкнул Олегыч. – Наливай, Вица!

– Нет, погоди! – снова полез в спор Андрей. – В труде много необходимого. Я тоже это недавно понял. Иногда так увлечешься, до полной темноты делаешь...

– Работать бы я пошел, – перебил Вица. – Чего... Только куда? Здесь у нас глухо совсем с этим. В город надо. Устроиться бы куда на завод... В общежитии поселиться, с ребятами, чтоб

кто-нибудь на гитаре играл. Как в старых фильмах. – Олегыч опять хмыкнул. – А чё?.. Днём поработал, вечером переоделся в чистое и – танцы, выпивка легкая, хорошие чтоб девчонки...

– Ну и езжай, блядь, на здоровье! – не выдержал, перебил Оленыч. – Я тебе даже на билет до города бабок найду. Давай, Вица, взлетай!

– И куда я там?..

* * *

Закуска кончилась, спирта оставалось ещё по глотку. Парни стали соображать, как быть дальше – расходиться спать или попробовать найти выпивки и «чего-нибудь на кишку» для продолжения...

– Ну-к тихо! – хрипнул вдруг Оленыч, наморщил лоб, прислушиваясь.

– Чего?..

И тут же раздались снаружи шаги, громкий сап запыхавшегося человека. «Отец, что ли?» – мелькнула у Андрея догадка, и стало неловко.

Нет, это оказался дядя Оленыча, брат его матери. Он резко распахнул дверь, огонек почти растаявшей свечи испуганно метнулся к завешенному мешковиной окну, чуть не захлебнулся в лужице парафина.

– Олег, гад, тут ты, нет? – сощурившись, дядя с порога разглядывал сидящих вокруг стола.

– Угу, – отозвался Оленыч. – А чего случилось?

– Где дрель?

– А?

– Дрель!..

– Я-то откуда знаю!

Его дядя был трактористом в дорожной мастерской. Невысокий, широкий мужичок лет пятидесяти, неповоротливый, но такой, что, кажется, если схватит за шею, сожмет, то все позвонки разотрет... В селе он был одним из самых хозяйственных, прижимистых, за это его уважали, но и не любили...

Вошел в сторожку, прикрыл дверь. Даже вроде крючок поискал, чтоб закрючить. В правой руке держал молоток.

– Где дрель, гад? – сдерживая бешенство, повторил он. – Тебя у нас видали на задах перед темнотой... Где дрель?

Оленыч медленно поднялся:

– Да не знаю... Не был я нигде... Точно.

– Я ж тебе бошку щас проломлю. Говори, кому продал? – Бешенство дяди сменилось холодной, самой страшной, решимостью. – Каждый день чего-нибудь тащишь...

– Да я...

– Ты это, ты!.. Ты башкой не дрыгай. Ворё! Зря я тебя вилами тогда не пырнул, пожалел племяша... Где дрель? Кому продал, гаденыш?

– Не брал я дрель вашу! Не видел! – вдруг со злой обидой завизжал Оленыч. – Я на пруду весь день!.. Блин, теперь ту банку бензина всю жизнь помнить, что ли?! Ничего я не брал с тех пор!

– А на что пьешь? – Дядя кивнул на стол и пошевелил пальцами, сжимавшими молоток. – На что пьете? А?

– Да-а... ну как... – Оленыч замялся, даже, кажется, приготовился сдаться и тут же торопливо затараторил: – Да вот Дрюня... Андрей угостил! Перед отъездом посидеть позвал! Вот он, он в городе учится. Уедет скоро... Решили...

Дядя пригляделся к Андрею:

– Это Грачёвых сын?

– Ну да, да! – Олегыч затряс головой, явно почувствовав близость своей победы. – Вот встретились, посидеть решили. Литрушку спирта... Скажи ты, Дрюнь!

Андрей хотел сказать – сам еще не зная, что именно, – но вместо слов послышался хрип. Прокашлялся и тогда уж ответил внятно, твердо:

– Да, на мои деньги. Мы еще утром договорились. У магазина...

– А я у Дарченковых спирт покупал, – добавил Ленур. – На Дрюнин полтинник.

– Ну вот...

– М-м... – как-то вроде расстроено мыкнул дядя, рука с молотком расслабилась. И все же так просто отступить он не хотел – выпалил на остатках боевого запала: – Все равно я тебя выслежу! Ночами спать не буду, а выслежу. Запомни! Ты ведь таскаешь, ты-ы!..

Олегыч с ухмылкой пожал плечами: выслеживай, дескать. Дядя развернул свое крупное тело, вытолкнулся на воздух. Огонек свечи опять заметался бешено... Постояв секунду-другую за порогом, дядя с силой захлопнул расхлябанную, разбитую дверь. Куда-то потопал.

– Ф-фу, – выдохнул Вица, – пронесло. – Взялся за бутыл, взболтнул: – Ну, давайте на посошок.

– Давайте, – Олегыч шлепнулся обратно на ящик.

В стаканчик потекла тоненькая прозрачная струйка. Андрей слегка дрожащими пальцами потянул сигарету из пачки.

– Прекрасно встретились, – проворчал.

Олегыч подмигнул:

– Да ладно, бывает.

2001

Ничего страшного

1

Как-то так незаметно, само собой получилось, что все продукты стали храниться в одном месте – в холодильнике. Даже макароны, сахар, специи... Это оказалось очень удобно – открыл дверцу и сразу же все нашел. Да и еще, наверное, есть причина, почему продукты попадали не в шкафчики, тумбочку у электроплиты, а в холодильник. Не так громко, требовательно он гудит, не так звонко трясутся в его нутре полки-решетки. Ко-гда полон – гудение становится спокойным, уютным, сытым каким-то, точно похрапывает устроившаяся на коленях любимая кошка...

Муж и дочь ушли на работу, а у Татьяны Сергеевны выходной. Она работает три дня через три в сигаретном киоске неподалеку от дома. Всё хорошо, единственный минус – киоск до того пропитался запахом табака, что аж грудь начинает болеть и нос к концу смены распухает, как у алкоголички. Летом Татьяна Сергеевна приоткрывает дверь и это слегка освежает воздух, а зимой, в морозы, когда включен обогреватель, от едкого, смолянистого духа кружится голова и в горле першит так, будто туда перца насыпали.

Время от времени Татьяна Сергеевна вдруг загорается желанием найти другое место. Расспрашивает знакомых, простаивает по полчаса у щитов объявлений, изучает колонку «Вакансии» в местной газете. Тринадцать часов (с восьми утра до девяти вечера) в такие периоды высиживает через не могу, чуть не плача от обиды и досады, завидует даже старухам с семечками по соседству, но вскоре этот период кончается, и Татьяна Сергеевна понимает, что ее сигаретный киоск – подарок судьбы. И работа простая – получай через окошечко деньги, выдавай взамен пачки «Явы», «Примы», «Союз-Аполлона», зажигалки, спички – да и зарплата более-менее. Две с половиной тысячи. Муж в своем институте чуть больше двух получает, а дочь Ирина в лаборатории – тысячу семьсот. К тому же работает Татьяна Сергеевна пятнадцать дней в месяц – остается время на домашние дела, на дачу.

Дача-дача... Да, о даче, кажется, теперь можно забыть...

Очнулась от мыслей, глянула на часы, заторопилась. До десяти надо успеть обед приготовить. Внук Павлушка увлеченно смотрит в комнате длинный японский мультфильм про космических чудищ, так что пока мешать не будет. Обычно-то он по будням в садике, но там карантин уже больше недели. Краснуха.

Вынутое из морозильника еще рано утром мясо легко поддавалось ножу. Впрочем, и заморзаться как следует, в камень, не успевает. Каждый божий день, кроме субботы и воскресенья, с десяти утра до пяти вечера происходит отключение электричества. Какие-то там долги-передолги у города перед энерго чем-то.

Позапрошлым летом, когда начались эти отключения, люди возмущались очень, подписи собирали, квитанции, чтоб показать, насколько исправно за свет они платят, иски носили в суд, а потом вроде как приспособились и притихли... Зимой свет в основном давали без перебоев, хотя то и дело возникали перебои с отоплением – то трубы лопнут, то горячее на ТЭЦ кончится... И вот снова май, потеплело, и свет, как и два предыдущих года, только утром и вечером. И нет уже явно протестующих, по телевизору и радио, в газетах никто об этом не говорит и не пишет, никто с подписными листами по подъездам не бегаёт. Привыкли.

Да и как не привыкнуть? Иначе только отчаяться остается. Лечь и лежать...

Татьяна Сергеевна срезала мясную мякоть с кости. Кость опустила в кастрюлю с водой, а мякоть поделила на аккуратные брусочки – будет поджарка.

Пока варился бульон, нашинковала морковку, лук, свеклу, капусту, почистила пяток картофеля... Электроплита старая, две конфорки из трех нагреваются слабо, на них и вода закипает еле-еле. Надо бы электрика вызвать, но все как-то – то времени нет его ждать, то денег жалко. Ведь не бесплатно же он станет чинить, тем более – квартира приватизированная, цены в ЖЭКе для таких квартир коммерческие.

В целом, если соединить зарплаты мужа, дочери и ее, получается совсем даже неплохо для их города. Почти что семь тысяч. У других и вовсе работы нет, и непонятно на что живут. Хотя, с другой стороны, что такое семь тысяч для семьи из четырех человек?.. По субботам Татьяна Сергеевна с дочерью ходят на рынок. Сразу, почти механически, покупают макароны, рис, подсолнечное масло, сахар, куриные окорочка, а потом начинаются сомнения, совещания – брать или не брать йогурт для Павлика, какое мясо – говядину с осколками раздробленной кости или все-таки что-нибудь вроде филе, раскошелиться ли на баночку шпротов, кофе, сгущенки... Хорошо еще, что свежие фрукты в основном дочь с работы приносит – в виде подарков; не надо на них еще тратиться.

В первую неделю месяца Татьяна Сергеевна идет в сберкасса с пачечкой квитанций. Платит за телефон, садик, квартиру. И оставляет в сберкассе без малого тысячу... Пять человек прописаны в их двухкомнатке. Четверо вот живут, а дочерин муженек так, числится только, но платить за него – плати... Надо бы напомнить Ирине. Пускай он выписывается или обратно сходятся, или хотя бы алименты нормальные платит. Нечего...

– Баб, – появился на кухне Павлушка, – пошли гулять!

– А что, кончился мультик?

– Угу, кончился.

Татьяна Сергеевна взглянула в окно. Погода, кажется, подходящая. Погулять бы надо, конечно.

– Сейчас, милый, – ответила, – только обед приготовлю. Ты пока собери игрушки. По всей квартире разбросаны.

Павлушка было пошел, но тут же и передумал:

– Не хочу! Давай гулять надо!

– Обед еще не сварился. Пятнадцать минут.

– Пятнадцать минут?

– Да, да, иди совочки, ведерко найди. Возьмешь ведь их? Пистолетик...

Внук обрадовался занятию и убежал.

Скоро четыре года ему. Совсем, кажется, недавно (да это уж про любое событие в жизни можно сказать: кажется, совсем недавно) встречали Иришу в вестибюле роддома. Купили большой букет роз, шампанское. Иринин муж, Павел, помнится, все вытирал ладони о свои светлосиние джинсы, и на джинсах оставались мокрые полосы; на дверь, откуда должна была выйти жена с сыном, смотрел испуганно, почти в ужасе...

Она вынесла Павлушку сама. Лицо серое, замученное, но в то же время такое счастливое было, одухотворенное. С гордостью подала сверток Павлу, взамен приняла цветы.

Через неделю-другую, когда жизнь семьи вошла в новую, уже с младенцем, колею, стало ясно, что муженек-то у Ирины эгоист из последних и долго он здесь не протянет. И действительно – сперва стал отпрашиваться переночевать в мастерской, поработать, дескать, а месяца через два, тайком собрав вещички, просто сбежал. Осталась от него вот память – названный его именем и по его же настоянию мальчуган...

Ну а что?.. Он ведь у нас творческая личность, художник! По крайней мере, постоянно об этом напоминал. Но своим художеством, уверена Татьяна Сергеевна, оправдывает он эгоизм и лень. За тот год с небольшим, что прожил здесь, она не увидела ни одной его картины, за исключением двух копий Гогена, сделанных, кажется, еще в училище, – кривотелые папуаски с

незрелыми плодами в руках. Что-то он вроде набрасывал карандашом, какие-то натюрморты, которые школьники на уроках рисования на четверочку выполняют.

Сейчас живет в подвале кинотеатра «Ровесник», работает там оформителем. И всегда, проходя мимо «Ровесника», Татьяна Сергеевна поражается карикатурности лиц актеров, что рисует Павел гуашью на больших, из мешковины, щитах, вывешенных справа и слева от входа в кинотеатр. Эти щиты наверняка людей только отпугивают...

Нашла взглядом будильник. Четверть десятого. Борщ варится, мясо в сковородке почти дошло. Осталось еще гарнир приготовить. Спагетти лучше или гречку? Рис уже надоел.

Остановилась на гречке. Павлушка ее, правда, не любит, но он наестся борщом с поджаркой... Вообще, признаться надо, капризным он что-то растет чересчур. И воспитательницы на него жалуются: в тихий час ложиться не хочет, не ест, что дают, дерется, во время прогулок с участка постоянно убежать норовит. А ведь и школа не за горами.

Включила радио. Бубнилку, как его называют. Тут как тут – до приторности участливый и душевный и в то же время деловой голос молодого мужчины: «Уважаемые пенсионеры! Мы знаем, как многим из вас тяжела, беспросветна старость, и искренне хотим вам помочь». Татьяна Сергеевна скорее убавила звук до полной неслышимости. Костью в горле эти постоянные уговоры пожилых людей завещать свою квартиру фирмам в обмен на прибавку к пенсии и цветной телевизор... Пусть даже такие фирмы и не мошенники, пусть честно условия выполняют, но ведь в скольких семейных драмах они повинны!.. Вот живет, например, старушка в отдельной квартире; на старость лет у нее, естественно, обиды всякие, мнительность, и после очередного конфликта с родней она вызывает по такому объявлению агента и переписывает квартиру на фирму. Потом, может – да и наверняка, – одумается и раскается, попытается будет сделать как было, восстановить прежнее завещание, только сделать это уж точно в сто раз сложнее. Неустойки, суды... Вот и катастрофа, крах мечте молодых о своем жилище. И тоже обиды, обиды...

– Баб, ну пошли-и! – снова появился на кухне Павлушка.

Уже с ведерком, набором совков, сам натянул джинсы и свитерок, даже обулся, правда, не на ту ногу.

– Сейчас, Павлуш, гречка сварится.

– Не хочу гречку!

– А это не тебе, а маме и бабушке. Тебе борщик со сметаной сварила.

– Не хочу-у! Пошли-и...

– Перестань капризничать! – повысила голос Татьяна Сергеевна. – Переобуйся. Опять неправильно.

Внук присел в дверном проеме, стал стягивать с ног ботиночки... Пора сандалии ему купить – погода-то почти летняя.

В универмаге Татьяна Сергеевна видела симпатичные и, кажется, прочные за двести тридцать рублей. Надо с Ирой посоветоваться, сводить Павлушку примерить. Без него покупать рискованно – уже многое надевать не хочет. «Не нравится!» Тоже вот личность...

Прибавила громкость бубнилки – и вовремя. Дикторша как раз объявляла: «Новости в середине часа». После короткой музыкальной заставки внятной скороговоркой начала рассказывать:

«В чеченском селении Новые Атаги совершено покушение на исполняющего обязанности начальника райвоенкомата. В результате взрыва он получил ранения и был госпитализирован. Один военнослужащий погиб и еще один получил ранение».

«Ох, сколько можно, – горестно, привычно качнула головой Татьяна Сергеевна, открыла кастрюлю. – Лет уж семь там одно и то же, одно и то же...»

А дикторша озвучивала следующее известие:

«Россия сокращает количество миротворцев в Косово. Этой ночью на родину отправился первый эшелон с военными. Вывод личного состава и техники продлится до конца июня».

Ребром ложки Татьяна Сергеевна прижала к бортику кастрюли картофельный брусочек, надавила. Тот легко разломился на две части. Готово.

«На городском кладбище в городе Эссентуки обнаружено и обезврежено самодельное взрывное устройство. Адская машина была положена в полиэтиленовый пакет, который висел на одном из деревьев рядом с могилами».

Эта новость напомнила о взрыве на каком-то московском кладбище несколько лет назад. Человек пятнадцать тогда погибли. Афганцы-бизнесмены. Кого-то долго судили, приговаривали к срокам, потом оправдывали, снова судили...

«С Юрия Буданова может быть снято обвинение. Судебно-психиатрическая экспертиза признала полковника невменяемым в момент убийства чеченской девушки».

«Хм, – усмехнулась Татьяна Сергеевна, помешивая булькающую, как гейзер, гречку, – как же они умудрились теперь-то определить?.. Ведь не вчера же случилось...»

«По предварительным данным, обрушение кровли монтажного корпуса на Байконуре, – не терял энергичности голос дикторши, – произошло из-за рокового стечения обстоятельств. Окончательные выводы госкомиссия огласит на следующей неделе».

– Ба-аб, ну давай! – Павлик переобулся и вытягивал левую ногу, чтобы Татьяна Сергеевна завязала шнурок.

– Пять минут еще буквально. Сейчас сготовится...

– Пять? – Он посмотрел на свою руку, растопырил пальцы, шепотом их пересчитал, мотнул головой. – Много! Пошли-и!

– Помолчи хоть маленько! Дай послушать, что в мире творится.

Внук топнул ногой, всхлипнул и ушел из кухни.

Пусть посердится. Если во всем потакать...

«В республике Тува, – продолжали сообщать из пластмассовой коробочки радио, – удалось остановить распространение огня, угрожающее селу Сой. А в Хабаровском крае за минувшие сутки площадь охваченной огнем тайги возросла на семь тысяч гектаров».

«Каждую весну, – по инерции продолжала ворчать Татьяна Сергеевна, – горит и горит. А не горит, так затопляет...»

«Торговый дом “Уралсевергаз” прекратил сегодня газоснабжение нижнетагильского химзавода “Планта”. В результате без горячей воды остался жилой микрорайон “Северный”, дома которого обслуживаются котельной химзавода. Долг предприятия за поставку топлива составляет три целых три десятых миллиона рублей».

«Да-а, конечно, – отреагировала она и на эту новость, – отключать-то они умеют».

Вздыхнула и испугалась своего вздоха, дряблого, совсем старушечьего; заторопилась, проверила мясо в сковородке, сдвинула гречку с горячей конфорки. Все, можно идти.

Ах да, чуть не забыла!.. Выдернула вилку холодильника из разболтанной розетки – масса случаев, что перегорает техника, когда вечером электричество подают. Напряжение скачет как бешеное.

– Ну все, Павлуш, не злись, – примирительно сказала, надевая кофту, – надо же мне было еду приготовить. Мама с дедой с работы придут голодные, а у нас один хлебушек... Пойдем, пойдем гулять теперь, пока лифт не отключили!

Павлик исподлобья смотрел в экран телевизора, делал вид, что не слышит.

* * *

Первая лекция – в девять часов. «Древнерусская литература» у первого курса историков. После большой перемены, в час дня, фольклор на втором курсе филологического факультета.

Путь от дома до института (четыре года назад переименованного в педагогический университет, но название не прижилось) занимал у Юрия Андреевича обыкновенно двадцать минут на троллейбусе. Впрочем, в последнее время троллейбусы с улиц почти исчезли – ломаются, говорят, один за другим от старости, – и их заменили микроавтобусы «Газель», по шесть рублей за проезд.

И сегодня, хоть вышел он в самом начале девятого, у института оказался за пять минут до начала лекции. Почти бегом преодолевал путь от остановки до двери. По дороге ругал себя: ведь еще в прошлом месяце решил не покупать проездной билет на троллейбус (все равно почти не ездит на них, чаще всего, не дождавшись, садится в «Газель»), но двадцать пятого апреля по давней привычке подошел к киоску «Гортранс», сунул в окошечко сто двадцать рублей: «Проездной на троллейбус, будьте добры. На май».

Да, всё, надо бросать эту традицию, тратить пусть на три рубля больше, зато добираться на работу без таких вот проблем. Сперва на остановке мнешься, а потом – трусцой...

Уже больше тридцати лет Юрий Андреевич Губин пять раз в неделю открывает тяжелую, из толстого мутного стекла дверь, входит в вестибюль историко-филологического корпуса. Раньше, во времена своего студенчества и аспирантуры, сдавал пальто в гардероб, а затем по праву преподавателя стал раздеваться на кафедре.

Двадцать три года он преподает здесь древнерусскую литературу и фольклор. Давно пора бы получить профессорское звание (уже как-то совсем неприлично в сорок девять именоваться доцентом), только всё собраться не может всерьез засесть за докторскую, набрать себе учеников-аспирантов. Размышляет об этом частенько, но мимоходом, расплывчато – скорее даже не размышляет, а мечтает написать, набрать, статью...

Надсадно, загнанно дыша, Юрий Андреевич поднялся по крутым, вышарканным до ложинок в бетоне ступенькам на третий этаж, вошел на кафедру русской литературы.

Просторная комната, на стенах портреты классиков. С потолка свисает огромная, напминающая театральную, люстра... А вот ходить по комнате сложно – дело в том, что на кафедре восемь штатных сотрудников и у каждого персональный стол, плюс к тому стоят два громоздких, глубоких кресла, между ними журнальный столик с чайной посудой, и еще, конечно, вешалка, шкафы для документов и книг.

– Доброе утро! – одновременно бодро и запыхавшись, произнес Юрий Андреевич.

Неизменная Наталья Георгиевна, старшая лаборантка, как радушная хозяйка, улыбнулась в ответ и кивнула Губину; молодой преподаватель, недавний аспирант Кирилл, тоже кивнул, но быстро, судорожно, продолжая перебирать бумаги (волнуется перед лекцией). В глубине кабинета над книгой, собрав в кулаке свою жидкую седую бороду, сидел профессор Илюшин; на приветствие Губина он вовсе не отреагировал – наверняка, увлеченный чтением, и не услышал.

Четвертый находящийся в кабинете, Дмитрий Павлович Стахеев, преподаватель советской литературы тридцатых – пятидесятих годов, красиво курил, развалившись в кресле. Дождался, пока Губин разденется и направится к своему столу, резко вскочил, протянул руку:

– Приветствую, Юрий Андреич! Как оно? – И сам же, по своему обыкновению, подсказал ответ: – Ничего?

– Ничего, Дим... ничего хорошего.

Они были знакомы, как говорится, тысячу лет. Точнее – тридцать два года, еще со студенчества. Стахеев учился на курс старше, после окончания института поступил в аспирантуру, затем стал преподавать. За ним следом двигался и Юрий Андреевич. Судьбы, в общем, похожи, но только на первый взгляд...

За свою жизнь Юрий Андреевич встречал всего нескольких подобных Стахееву. Людей, по-настоящему умеющих жить, не устающих от жизни. Энергичных, как называли их: одни – почти с восхищением, другие – с презрением и брезгливостью. Да, нытики, вздыхатели разные

таких энергичных всегда не любили... Презрение и брезгливость Губин чувствовал и в себе, несмотря на то, что считал Дмитрия Павловича почти что другом, но за этим презрением трусливо пряталась простая зависть его, вялого, слабого к сильному.

Стахеев все время был у него перед глазами.

Без видимых трагедий сменил трех жен, без видимых усилий содержал пятерых детей; чуть ли не в каждом номере областных «Ведомостей» появлялись его статьи о литературе, о выдающихся личностях, о театре, о книжных новинках, и уж точно в каждом номере – «Хронограф», где вкратце рассказывалось о важнейших событиях мировой истории... В двадцать восемь он защитил докторскую, в тридцать четыре стал профессором. Еще в советское время побывал в Болгарии, ГДР, Чехословакии и почти «западной» Югославии, одевался всегда в дорогие костюмы, ежегодно менял портфель; теперь, поговаривали, параллельно с преподаванием Стахеев имел какие-то коммерческие дела...

Юрий Андреевич старался особенно с ним не сближаться. Причиной тому было все то же внутреннее, скрываемое, конечно, но непреодолимое презрение, прячущее зависть к удачливому, деятельному человеку. И зависть только усиливалась, крепла по мере того, как приближался Юрий Андреевич к своему пятидесятилетию... Пятьдесят лет жизни почти за спиной. Впереди, вблизи уже – старость...

В прошлом году, на юбилей Стахеева в ресторане «Сибирские зори», увидев его, розовощекого, счастливого, в окружении таких же счастливых бывших трех жен и аспирантки Евгении, которую прочили в очередные жены, пятерых детей (от почти тридцати до восьми лет), сослуживцев с подарками и здравицами, Юрий Андреевич почувствовал такое острое раздражение, омерзение даже, что, просидев ради приличия часа полтора, потихоньку увел свою немолодую, грузную, первую и единственную жену домой...

– Ничего хорошего, говоришь? – сочувственно усмехнулся Стахеев. – Н-да, старичок, ты не оригинален.

– Что ж, и сам не рад.

– Так надо ж встряхнуться! Цыгане, тройка, рестораны...

Как алюминиевая ложка о миску, задребезжал звонок. И вовремя – прервал в самом начале малоприятную, никчемную беседу.

Молодой Кирилл, схватив папку с лекциями, убежал. Стахеев вернулся к журнальному столику, затушил сигарету в глиняном башмачке-пепельнице. Юрий Андреевич достал из портфеля бумаги, хрестоматию Гудзия. Взглянул в зеркало, причесался.

– Борис Антонович, – окликнула Илюшина старшая лаборантка, – звонок уже был!

Тот ошалело, будто разбуженный среди ночи, огляделся, бормотнул что-то, взял книгу и походкой пьяного вышел. Губин направился вслед за ним, не спеша, зная по опыту, что первые несколько минут занятий – время пустое. Студенты должны перездороваться, рассестись, найти в своих шуршащих пакетах что там им нужно. Настроиться более-менее...

В коридоре его нагнал Стахеев, шагая уверенно, чуть враскачку. Руки в карманах будто подчеркивали, что ни в какой помощи, хотя бы в тезисах лекции, их хозяин не нуждается. Юрий Андреевич опять почувствовал раздражение и зависть. Он, почти на голову выше Стахеева, крупнее, солиднее, казался себе сейчас напаявшимся костюм и галстук дворовым оболтусом; а Стахеев – то ли директор школы, то ли участковый...

Их оббегали опаздывающие. Некоторые мимоходом, через плечо здоровались.

– Слушай, старик, у тебя до сколько сегодня? – спросил Дмитрий Павлович.

– Вторая лекция в час. Потом – свободен.

– Везет. А мне еще возись с аспирантами, к ученому совету готовься... Как белка кручусь.

Но в этой жалобе Стахеева ясно слышалось, может, и не осознанное им самим превосходство. Ты вот, мол, неприметный кандидат-доцент, а я – фигура незаменимая.

Юрий Андреевич ответил неискренне сочувствующим вздохом:

– М-да-а...

– Хотя ладно, подождут аспиранты... – Стахеев вдруг изменил интонацию. – Дело у меня к тебе, старик, очень важное. Надо бы обмозговать.

Остановились у дверей аудитории, где Губин читал лекцию. И минуту назад он бы спокойно вошел туда, лишь кивнув на прощание коллеге...

– Что случилось? – спросил сейчас почти испуганно; дел у Дмитрия Павловича к нему за все тридцать лет случалось не густо.

– Да это, видишь ли, не в двух словах. Давай после занятий. А лучше – на большой перемене. Посидим в «Короне», например, поговорим обстоятельно... Как, лады?

– Лады, – кивнул, конечно, Юрий Андреевич.

Войдя в аудиторию, по привычке пробежал глазами по рядам, поднимающимся амфитеатром, внятно, в полный голос объявил:

– Добрый день! Садитесь!

Сам же втиснулся в узкую фанерную трибунку, положил перед собой бумаги, хрестоматию Гудзия, отодвинув ребром ладони в угол шуршащую обертку от «Твикса». Еще раз, теперь уже пристальней, посмотрел на студентов, про себя отметил: «Едва ли треть собралась».

– Тема нашей сегодняшней лекции – «Сатирическая литература шестнадцатого и семнадцатого веков».

Это была предпоследняя лекция курса. Последнюю, по традиции, Юрий Андреевич посвящал старообрядческой литературе. А затем начинались зачеты, экзамены. В июле – вступительная эпопея. Потом же, наконец, коротенький отпуск...

Двадцать четвертый раз он говорит в этой аудитории, стоя в этой же самой, напоминающей детский гроб, трибунке, одни и те же слова:

– Датировка «Повести о Ерше Ершовиче» вызывает споры. Принято считать, что написана она в середине, а то и ближе к концу семнадцатого столетия. Впрочем, в начале шестидесятых годов стали появляться аргументированные гипотезы, что «Повесть...» создавалась в конце шестнадцатого или в самом начале семнадцатого веков...

Двадцать три волны студентов, двадцать три курса филологов, в каждом из которых по шестьдесят человек. Без малого полторы тысячи набирается... Единицы остались здесь, в родном институте, некоторые уехали в Новосибирск, Питер, в Москву, из них, наверное, с десятком в науке; кое-кто, естественно, работает по специальности – учителями литературы и русского языка. Но большинство-то занимаются совсем не тем, ради чего учились, читали совсем не нужные в повседневной жизни книги, списывали толстенные тетради конспектами, не спали перед экзаменами, до слез радовались дипломам...

Город не из крупных. Впрочем, считается студенческой столицей Западной Сибири. Да, вузов тут хоть отбавляй... На улицах Юрий Андреевич то и дело встречает знакомые лица тридцати-, двадцатипятилетних парней и девушек; и каждый раз как поленом по голове, когда узнает он в троллейбусной кондукторше бывшую бойкую девчушку, отлично прочитавшую доклад на тему «Областные тенденции в литературе Древней Руси», или вдруг продавец из палатки с видеокассетами оказывается тем юношей, что так бегло, голосом новгородского дьячка шпарил: «Коркодил зверь лют есть, на что се разгневает, а помочится на древо или на ино что, в тот час се огнем сгорит. Есть в моем земли петухы, на них же люди ездят». А теперь вот увлеченно рассказывает он потенциальному покупателю: «Ну, “Эволюция”! Просто шестисотый фильм! Такой синтез фантастики и стёба. Эффекты не слабее, чем в “Матрице”. Дэвид Духовны в главной роли!...»

Надо бы привыкнуть к подобным столкновениям, но Губин никак не может, да и не хочет привыкать. Он старается поскорее уйти, прячет глаза, словно увидев нечто постыдное. А бывшие ученики реагируют неодинаково – одни тоже отводят взгляд, другие делают вид, что не

узнали; бывает, радуются, бурно здороваются, бывает, сочувственно спрашивают: «А вы всё там же?» И когда он кивает, вздыхают. Явно жалеют его...

Он и на рынок с женой перестал ходить, чтоб не умножать подобные встречи. Тем более – на рынке (не на том, где Губины покупают по субботам продукты, но какая, в принципе, разница?) работает и дочь. Не торговкой, слава богу – одно пока утешает, – в лаборатории, проверяет на нитраты укроп с арбузами... А ведь закончила биохим университета, Мичуриным и Павловым зачитывалась, портрет Вавилова над кроватью держала...

* * *

Официально рабочий день начинался в восемь утра. К этому времени открывались тонары и киоски, старушки привозили на тележках овощи со своих огородов. Но Ирина, само собой, всегда немного опаздывала – приходиться раньше начальства было глупо, да и путь от дома до рынка совсем неблизкий – с одного края города в другой.

Вообще, умом, работа, хоть малоинтересная и малоденежная, Ирине нравилась. Рынок компактный, аккуратненький, нешумный; огорожен, точно надежным забором, контейнерами с товаром. Находится он на стыке двух микрорайонов, недалеко от автобусной остановки. Люди, возвращаясь домой, просто не могут сюда не зайти, чего-нибудь не купить...

В каморке-лаборатории Ирина просиживала часов до трех. После этого новые торговцы почти никогда не появлялись (ложная и неискоренимая истина, что торговать нужно с утра, хотя здесь вот основной наплыв покупателей бывал как раз в пять-шесть вечера); и, не спеша собравшись, она замыкала каморочку, уходила.

Три дня здесь, потом три дня отдыха. Такой график был для нее удобен, тем более что и мать работала по такому же в своем табачном ларьке, но в другие дни, и поэтому дом всегда был под присмотром... Раньше в выходные Ирина готовилась к аспирантуре. Поступала два раза, но неудачно, и постепенно аспирантура осталась в прошлом, почти забылась. Теперь три свободных дня она проводила с сыном, делала что-нибудь по хозяйству, валялась на кровати, встречалась с подругами. Иногда ей перепадал заказ написать курсовую или реферат для студентов за небольшую плату.

Честно говоря, она обижалась на папу, который вроде совсем равнодушно отнесся к ее неудачам с аспирантурой. Ведь мог бы как-то помочь, посодействовать – он человек в местных научных кругах не из последних, есть у него знакомства... Сама она не заводила с папой разговоров об этом, даже никогда не намекала, а тот то ли не задумывался, то ли просто ввязываться не хотел.

Иногда Ирина с грустью вспоминала себя маленькой и сожалела о том своем исчезнувшем навсегда отношении к папе, когда он казался ей самым сильным, всемогущим, настоящим волшебником. Теперь от этого не осталось следа, лишь сожаление; теперь, наоборот, она замечала, что родители хотят видеть сильной ее, ждут от нее помощи и поддержки, чего-то чуть не волшебного... Ирина боялась признаться себе в догадке: это они стареют, теряют силы, может, и подсознательно готовятся отдать ей руководство семьей...

Да, повзрослев, она узнала, как трудно в жизни дается каждый шаг вперед, любая, даже самая малая перемена к лучшему. Проще всего, конечно, плыть по течению. Хорошо, если плывешь, чаще же – начинаешь тонуть, и волей-неволей приходится барахтаться, стараться быть на плаву...

Вышла из автобуса, по узкой асфальтовой тропинке пересекла двор между двух кирпичных пятиэтажек – и вот он, рыночек. Торгуют в основном продуктами. Лишь в трех тонарах – моющие средства и два киоска с цветами. Иногда еще с лотков продают то книги, то посуду, то косметику. Но это не особо расходуется, и потому торговцы быстро исчезают, их место зани-

мают другие и, тоже проведя впустую неделю-полторы, перебираются в какое-нибудь новое место. Пытаются подзаработать там.

Около девяти, рыночек еще почти пуст. Лишь несколько старух раскладывают на прилавках овощи, вяжут пучки ранней редиски, батуна. Азербайджанец Яшар перебирает возле своего киоска прошлогоднюю картошку... На ветке большого тополя, что растет между контейнерами, не по-городскому красиво распевает крошечная серокрылая птишка.

Дворник, улыбочивый юркий человечек полутораметрового роста, кем-то когда-то в самую точку прозванный Шурупом, гонит к мусоросборнику окурки и фантики. Увидев Ирину, взял метлу, как ружье на параде, приветливо гаркнул:

– Здравия желаю, Ирин Юрьна!

– Здравствуй! – обрадовалась и она, только сейчас сознавая, что настроение у нее сегодня, несмотря на невеселые размышления, на редкость умиротворенное, светлое.

И дело не только в солнечном майском утре – ей в последнее время по душе были дни пасмурные, с ленивым, мелким дождиком: такая погода, казалось, уравнивает людей, создает впечатление, что всем не очень-то весело, у всех проблемы, нескончаемые, досадные неприятности. А в ясные дни, когда лица людей менялись, превращались в улыбающиеся, по-детски жмурящиеся от солнца, сильнее давили тоска, неудовлетворенность и остро, до желания закричать, понималось, что жизнь идет мимо, впустую, не так.

Сегодня же и солнце, и красивое пение птички, и еще не совсем прогретый после ночи, но тем более приятный и вкусный воздух, и улыбающийся Шуруп, и приятельский кивок Яшара, воркотня старушек радовали, прибавляли сил. Бодрили. И предстоящие часы работы (да на самом деле и не работы, а скорее дежурства в тесной будке под названием «лаборатория», заполненной монологами администраторши) не вызывали тоски. Что ж, промелькнут эти часы, и впереди целый вечер, а с послезавтра – три свободных дня. Может, сегодняшний вечер или завтрашний или выходные подарят какое-нибудь событие и как-нибудь по-настоящему изменится жизнь. Хм, как во французском кино...

Отперла дверь, включила свет, обогреватель (отопления в будке нет, только краны с холодной и горячей водой), не снимая пока плаща, села за стол. С минуты на минуту, знает, коротко, для проформы постучавшись, заглянет поздороваться ее начальница, администраторша рынка Дарья Валерьевна. Они работают в паре уже больше двух лет, и обычно у Дарьи Валерьевны происходит столько событий, что их совместных дежурств не хватает, чтоб рассказать обо всем. Но разговор начинается не сразу, не с утра, а ближе к обеду, когда они будут пить кофе.

Обогреватель мерно выдувал из решетчатой пасти горячий воздух, в будке становилось уютней... Ирина поднялась, стала медленно стаскивать плащ...

Дверь еле слышно задела костяшками пальцев и прежде, чем Ирина успела произнести: «Да!» – открыли. На пороге полная, крепкая женщина лет пятидесяти – Дарья Валерьевна.

– Привет, Ириночка! Уже пришла? Ты что-то раньше обычного, – сыпанула она горсть ежеутренних фраз; сама еще в пальто, с сумкой. – Как у тебя?

– Да ничего, нормально, – так же обыкновенно отозвалась Ирина. – Без катастроф.

– Ну и хорошо, и хорошо! Это самое главное... А у меня, представляешь!.. – Но, опомнившись, администраторша тут же остановила себя, удержалась пока от подробностей. – Ох, пойду... – Она выглянула на улицу. – Уже очередь за весами стоит. И кстати, Рагим новый завоз сделал, арбузы, виноград... так что посмотри там всё как надо. Не дай бог какая проверка...

– Да, конечно, – кивнула Ирина, – конечно...

Сейчас у администраторши самый напряженный отрезок дежурства. Нужно выдать весы, собрать арендную плату за торговое место, проверить, как убрался Шуруп, сдать выручку приезжающему обычно часов в двенадцать доверенному человеку от хозяина (у хозяина, говорят, таких рыночков штук десять по городу). И Ирине тоже придется немного пошевелиться. Хотя

сделать видимость, что работает. Без этого, за простое сидение в будочке, и на десять рублей, ясное дело, рассчитывать нечего.

Поверх кофточки надела белый длиннополый халат. На секунду почувствовала себя прежней студенткой, готовящейся к практическим занятиям... Осторожно, как приучили, вынула из сейфа пробирки, реактивы, прибор для измерения нитратов... Хм, да, пародия на лабораторные опыты. Но что, в принципе, она потеряла? Имела бы сейчас, при лучшем раскладе, звание кандидата, может, дали бы место в каком-нибудь колледже или в медучилище. Только еще вопрос – смогла бы учить?.. А к научной работе и вовсе Ирина давным-давно интерес потеряла, еще курсе на третьем погасло в ней что-то, что заставляло школьницей бегать вечерами в кружок ботаников, дежурить в библиотеке, ожидая, когда принесут с почты новый номер «Науки и жизни»; упрашивать родителей купить микроскоп, дорожный альбом для гербария... Н-да, нашла себе увлечение двенадцатилетняя девочка... Но тем не менее это увлечение дало ей возможность получить образование, профессию, работу, которая, худо ли, бедно, кормит ее и ее сына... И где такие, кто не растерял прелести детской увлеченности, превратив увлечение в средство зарабатывать на жизнь?

Мама закончила Красноярский художественный институт по специальности «промграфика», несколько лет, как сама рассказывала, пыталась сотрудничать с архитекторами, модельерами, но все заканчивалось в лучшем случае макетами, проектами, эскизами. А потом она вернулась туда, где работала три года по распределению после института – на обойную фабрику, и отсидела в производственном отделе полтора десятка лет, пока фабрику не закрыли. Теперь продает сигареты в ларьке...

Папа, как говорят, крупный специалист по древнерусской литературе. Тоже с детства у него началось... Вместо Жюль Верна читал былины и «Путешествие за три моря»... Ну а что в итоге? Преподает в пединституте, рассказывая из года в год все одно и то же, а потом на экзаменах слушает сбивчивые пересказы собственных лекций... Ничего он вроде теперь не исследует, не пишет, не публикует.

У Ирины много знакомых, почти все закончили вузы, и никого, кто бы, добравшись лет до двадцати пяти, искренне был доволен своей работой, профессией. Одни явно к ней равнодушны и предпочитают говорить о детях, о квартирных проблемах, жалуются на нехватку денег, круглый год мечтают об отпуске; другие (эти, кажется, еще не совсем сдались) изображают снобов. Физики называют Эйнштейна спятившим сифилитиком, а его теорию относительности – бредом, которого никто никогда не понимал и не поймет, потому что просто нечего понимать, сами же ни на шаг ни в чем не отступают от тех постулатов, что вдолбили им в головы во время учебы. Историки любят порассуждать о книгах Носовского и Фоменко, которые перекраивают хронологию, до слез смеются над их утверждениями, что осада Трои и захват крестоносцами Константинополя – одно событие, а сами остановились на том, что навсегда зазубрили сотню-другую исторически значимых дат, годы правления крупнейших монархов...

Да, что-то и позавидовать некому. Все превратили свои увлечения в золотой запас юности (слышала где-то такое сравнение) – в специальность, в ремесло. И радуются, что повезло не вагоны всю жизнь разгружать, а заниматься делом более или менее для себя близким. Но дальше, к открытиям, к настоящей погруженности в дело двигаться никто не желает. Диплом есть – и хорошо, кандидатскую по давно истоптанной проблеме защитил – прекрасно... Вот, может, только муж... бывший муж, Павел, и исключение. Хотя у него как раз наоборот...

Вместе со средней он закончил художественную школу в маленьком северном городке Колпашеве, потом с двух попыток – между которыми была армия – поступил в училище на театрального оформителя. Проучился, кажется, года полтора и бросил. И все-таки его взяли в областной драмтеатр декоратором.

Тогда-то Ирина с ним и познакомилась, почти пять лет назад. В то время она часто ходила на спектакли, после них с подругами и приятелями сидела в театральном кафе «Аншлаг», пила

по плоточку джин с тоником, слушала умные разговоры, которые чаще всего выражались в критике только что увиденного спектакля.

Однажды, помнится, кто-то из их компании стал хвалить (редкий случай!) декорации, и тут же, будто подслушивая, подошел молодой, но изможденного вида парень в красном свитере, со щетиной на подбородке, явно нетрезвый, и с гордостью объявил: «А декорации-то мои!» Ребята насторожились, готовые послать подошедшего куда подальше, но тот вовремя, и чуть сбавив гонор, пояснил: «Я декоратор местный, Павел Глушенков. Сцену вот оформляю...» Его пригласили присесть, налили бокал вина.

Парень, посмеиваясь, достаточно комично стал рассказывать про свою работу, про то, как изводят его замечаниями и придирками художники-оформители, режиссеры, а директор то и дело пересчитывает тубы с краской и твердит про экономию; развлекал компанию парочкой театральных баек... Рассказывая, он часто и жарко поглядывал на Ирину, а она, почему-то очень нервничая, на него... Что-то было в нем не просто богемное, но такое, точно он способен сотворить огромное, новое, настоящее. Способен к прорыву, что ли...

А потом, как часто, как у многих бывает, он провожал ее домой, снова рассказывал о театре, о живописи, о своих картинах, которые, как в галерее, рядами вывешены в его голове. Вот только надо собраться, вырваться из суетни – и нарисовать... Это «нарисовать» Ирине очень понравилось, слышались в этом слове и напускное пренебрежение к своему главному делу, и скрытая серьезность, почти одержимость... Они шли вдвоем по пустым ночным улицам, еле знакомые, а Ирине казалось, что они вместе уже тысячу счастливых лет и впереди у них тоже тысяча лет. Таких же счастливых лет... Обычный, древний, но обманывающий, наверно, каждого человека мираж.

Их счастливая пора, как оказалось, уместилась в несколько коротких осенних недель, когда они встречались урывками – то он поджидал ее после лекций возле университета, то она пробиралась в его театральную мастерскую. В те недели, когда еще не наступила настоящая привязанность, а происходила лишь подготовка к ней, стремление друг другу понравиться...

Почти сразу после их первой ночи Павел все чаще и чаще стал жаловаться; он повторял почти то же, что в первый раз, про давление оформителей, режиссеров, но теперь в его словах не слышалось ни капли комического, ни грана иронии, а сплошные сарказм и горечь. Он называл себя маляром, тут же подолгу и как-то отчаянно, в длиннющих монологах расписывал свои «ненакрашенные» картины. Театр он теперь именовал не иначе как тюрягой, в которой его держит даже не зарплата, а крыша над головой (Павлу театр снимал комнату в общежитии спичечной фабрики), ведь дом родной у него в двух сотнях километров отсюда, в Колпашеве...

Как-то однажды само собой получилось – Ирина привела Павла к родителям, познакомила. Ужинали вместе по-праздничному, за большим столом в зале. У мамы с ним оказались общие темы – в некоторой степени ведь коллеги, так или иначе оба художники.

А еще через несколько дней, словно бы мимоходом, подчеркнуто буднично, они зашли в загс и подали заявление; это оказалось очень, до странности просто – паспортные данные, пятьдесят рублей госпошлины, дата регистрации... В тот же вечер Павел с двумя сумками и этюдником переехал к ней.

Чего тогда было больше в Ирине, любви или жалости, или хотелось иметь постоянного мужчину (на нее, тихую и не особенно симпатичную, парни редко обращали внимание), она понять не могла и не хотела копаться в душе. А зря... зря, конечно.

За тот месяц, что отделял подачу заявления от свадьбы, случилось несколько ссор; ежедневно жить с Павлом оказалось делом нелегким. И родители уже не так тепло к нему относились, мама просила Ирину все тщательно взвесить, папа, по обыкновению, помалкивал, но зато выразительно хмурился... Подруги, как одна, отговаривали от такого замужества, а когда она начинала доказывать, какой Павел особенный, фыркали и махали руками: «А, романтичка!..»

Недели через три после свадьбы Павел, рассорившись с кем-то в театре, уволился. Еще через месяц нашел место художника в кинотеатре «Ровесник» и вскоре после рождения сына стал там иногда ночевать – работать, – а потом и жить постоянно.

И вот три с половиной года Ирина то ли замужем, то ли нет. Было несколько попыток и с ее, и с его стороны сойтись, но через несколько дней случался новый разрыв... А ведь ей уже двадцать семь. Из молоденькой девушки-студенточки она превратилась в женщину (так это страшно быстро и незаметно произошло!), а еще через несколько таких же страшно быстрых и незаметных лет станет очередной теткой с рыхлой, бесформенной фигурой, мясистым, вечно усталым лицом. Вроде Дарьи Валерьевны... И сейчас, она сама видит, привлекательной ее язык не повернется назвать, а дальше... И надеяться, кажется, не на что...

Долго звала Рагима принести образцы для анализа. В конце концов принес, вдобавок – водрузил на стол среди пробирок пакет с фруктами.

– Это подарок! – сказал.

Ирина, как обычно, сперва поотказывалась, затем же поставила пакет под раковину, поблагодарила. Занялась образцами.

Рагим присел, разбросал ноги, со сдержанным торжеством сообщил:

– Через три дня на родину еду!

– У-у... Надолго?

– Два месяца. Отпуск.

– Соскучились?

– А как думаешь? Всю зиму здесь, осень. На пятнадцать килограмм похудел!

– Хорошо вам...

Рагим захохотал:

– Что похудел?!

– Что едете. Я б тоже куда-нибудь с радостью...

– Поехали, слушай, со мной. Чего? Сядем в поезд – три дня, и Шамахи!

– Что?

– Ну, Шамахи... Мой город. Родина!... Чего? Поехали, Ира. Там красиво, лето уже. Горы, вино, виноград скоро будет...

В тоне явная высокомерная шутливость, что свойственна всем, кто вот-вот обретет свободу, попадет в те места, где его ждут, где провел он детство, лучшие дни; и вот так, между делом, он подзадоривает случайно оказавшегося рядом, бросив все, сорваться, оказаться не здесь... Да, в шутку... А если взять и ответить: «Поехали! Какой у тебя поезд? Сейчас сбегаю в кассу, она здесь рядом, куплю билет. Хорошо?» Как он, наверное, перепугается, как, выкатив и без того большие глаза, заикаясь, спросит: «Нет, постой... Ты серьезно?..» Как будет изворачиваться, осторожно, чтоб не уронить свое достоинство, объяснять, что позвал просто так, не всерьез.

Ирина усмехнулась невесело, почти зло. Рагим, кажется, угадав ее состояние, перестал шутить, замолчал.

Только ушел, получив разрешение торговать, появилась Дарья Валерьевна:

– Что, Ириш, есть дела?.. А то пошли кофе пить. Только-только чайничек принесла.

– Спасибо, сейчас...

Кипяток она берет у знакомой из ближайшего дома, где газовые плиты.

Уселись в более просторной, похожей на настоящий кабинет комнатке администраторши. На столе чашки с черным, крепким «Нескафе», печенье в вазочке, рафинад. Не спеша, словно бы разминая язык и челюсти для скорой безудержной гонки, Дарья Валерьевна делилась главной своей проблемой:

– Опять вчера из военкомата повестку принесли. На медосмотр. Я отказывалась расписаться, но какой смысл... Сегодня не распишешься – завтра с милицией явятся... Как до всту-

пительных в институт дотянуть, ума не приложу. Тут же в армию ташут, и тут же по телевизору каждый день: часовой десятерых убил и сбежал, еще какие-то с автоматами убежали, милиционера застрелили, а потом и сами себя... – Дарья Валерьевна поболтала ложечкой в чашке, вздохнула. – Вообще, больше вреда от этой массовой информации. С утра мало что вечно ужасные новости, так еще на одной программе «Чистосердечное признание», на другой «Дорожный патруль», по третьей в то же самое время «Служба спасения»... И с каким настроением я должна жить?..

С темы призыва сына в армию начинается каждая их посиделка. А потом уж – другое.

– У моей соседки-то какое несчастье, Ир! Ты себе не представляешь!

Ирина отреагировала, хотя, честно сказать, ее мало интересовала какая-то незнакомая женщина:

– Что случилось?

Глотнув кофе, Дарья Валерьевна поморщилась, спустила в чашку еще кубик рафинада. Энергично застучала ложкой по стенкам и тут же резко бросила.

– Она няней работает в детском саду. Надя... Я про нее тебе раньше когда-то... У нее муж в том году от рака желудка умер... И она в детский садик устроилась. Уже на пенсии, но копейка же лишняя не помешает, да и детишек так любит...

Администраторша еще раз попробовала кофе и теперь осталась довольна вкусом. Правда, лицо у нее просветлело лишь на секунду.

– Очень, в общем, Надю хвалили, очень ценили. И детишки тоже тянулись, сказки она им рассказывала, и насчет чистоты все очень аккуратно... И тут вот позавчера приходит в слезах. Я, конечно: «Что стряслось опять?» Плачет, задыхается. Корвалола ей накапала. Успокоилась маленько, рассказала.

Ирина осторожно пила кофе, поглядывала на печенье, но взять и начать жевать, когда вот сейчас ей сообщат нечто страшное, не решалась.

– В общем, принесла в группу кастрюлю с молочным супом. Стала разливать по тарелкам, а детишки вокруг играли. Воспитательница отошла куда-то... И тут девочка одна на нее со всего маха как налетит. Кастрюля – на эту девочку. А суп только с плиты, живой кипяток... Обварилась, говорят, очень серьезно... Тут же скорую вызвали...

Ирина поежилась, стряхивая со спины ледяные мурашки, кончики пальцев противно защищало. Так часто бывало с ней, когда слышала про кровь, про боль, когда представляла себя над бездонной пропастью.

– Ужас какой, – искренне прошептала она. – И что теперь? Как девочка?

– В больнице девочка. Ожоги... и на лице... Ей три с небольшим. На всю жизнь следы могут остаться... – Администраторша тяжело вздохнула: – И Наде какво? Она ведь всей душой к ним, и вот – такое. Пожилая ведь, пять лет как на пенсии... Еще и родители-то заявление подать грозятся...

Ирине было жалко и девочку, и няню, понимала она и чувства родителей, и все-таки жалость, сочувствие были неглубоки, почти искусственны, как сочувствие попавшим в беду героям очередного фильма.

– Н-да-а, – встряхнулась Дарья Валерьевна, высказала свою любимую и бесспорную мысль: – Страшная, Ирочка, вещь – эта жизнь. И не знаешь, в какой момент что обрушится... – Глотнув кофе, спросила: – А твой-то как сынок? Ничего, не болеет?

– Да нет, нормально. – Говорить у Ирины не было никакого желания, и все же зачем-то она добавила: – С бабушкой сейчас, дома. Карантин в садике.

– Из-за чего?

– Краснуха.

– У-у, опасная очень болезнь. Особенно для беременных, Ир. Если беременная заболевает краснухой, рекомендуют сразу делать аборт.

- Почему?
- Ну, ребенок неполноценный рождается.
- Гм...

Ирина ожидала, что Дарья Валерьевна, как обычно, расскажет наглядную историю на эту тему – о какой-нибудь своей знакомой, заразившейся во время беременности краснухой и родившей уродо... Вместо истории администраторша задала новую порцию вопросов:

- А с мужем как? Всё так же? Не помирились?

Невольно, точно защищаясь от кого-то или чего-то, Ирина усмехнулась; тут же испугалась этой усмешки, бросила, нервно покачивая полупустую чашку:

- Мы и не ругались. Живем просто отдельно.

– Плохо это, плохо, Ириш, – наставительно и безжалостно определила Дарья Валерьевна. – Я вот своего прогнала за пьянку, за лень его несусветную, а теперь... Голос внутри, и одно и то же: «Зря, зря...» Тогда казалось невыносимым с ним жить, а с другой стороны... Тяжело одной, ой как тяжело-то... Сын вот вырос, заступник, но без отца... Вечером домой приду, и чувство такое, будто у нас что украли... – Администраторша покачала головой, выпустила свой долгий и тяжких вздох. – Трудно выбрать, трудно решить, Ирочка... Только... только если есть шанс, если сомневаешься, то советую очень – сходитесь. И ты должна, как женщина, первой... Он ведь у тебя не сильно-то злоупотребляет? Ну, выпивкой?

– Не сильно, – выдавила Ирина ответ, теряя терпение; в последнее время она всячески старалась не вспоминать, не размышлять (без особых, правда, успехов) о своих отношениях с мужем, о будущем, и каждая фраза администраторши сейчас колола, прожигала ее болью, как игла. – Н-но, понимаете, не в одном пьянстве дело. Много есть других причин...

– Да это уж точно, это уж точно. Столько всего, бывает, сплетется, что и не распутаешь. Только режь. Хотя, Ириша, поверь, хуже пьянства ничего нет на свете. Ничего нет страшней. И ты все-таки попытайся... Или, может, лучше другого найти, пока ребенок маленький. Ты подумай – жизнь-то длинная впереди, а лучшие годы твои сейчас. Дальше, Ир, хуже будет.

- Спасибо...

– Ты только не обижайся! Я это по своему опыту сужу и по другим. Знаешь, сколько таких вот, как я... как ты?.. Но тебе еще, слава богу, не поздно...

2

Сразу, только вышли за дверь, началось.

Двое мужиков копались в щите, где счетчики. Точнее, копался один, а второй стоял рядом, по-ассистентски держа открытый дипломат с отвертками, плоскогубцами, изолянтной.

- Что вы делаете? – встревожилась Татьяна Сергеевна.

– А что? – нагло уставился на нее ассистент, а его напарник, кряхтя, вытягивал из недр щита тонкий сероватый провод.

– Извините! – Татьяна Сергеевна, оскорбленная этим «а что?», повысила голос. – Я имею право спросить! Я здесь как-никак тридцать лет живу.

И мужик с дипломатом вдруг как-то болезненно сморщился.

– Ну, радиоточку аннулируем у ваших соседей. В конторе велели. Давно слишком, сказали, не платят.

- Ба-аб! – потянул Татьяну Сергеевну Павлушка. – Пошли-и!

Она одернула внука, желая что-нибудь еще сказать этим электрикам. Только – что? Во-первых, отключают не у нее, а во-вторых, соседям, кажется, теперь не до радио. У них другие заботы – с рассвета, через стену слышно, спорят, кому на поиски похмелиться бежать...

В лифте рядом с кнопками этажей новый сюрприз. Листок из школьной тетради и обстоятельная, разборчивым почерком надпись: «Уважаемые жильцы! С 1 мая сего года стоимость

пользования лифтом увеличена на 2 (два) рубля! Теперь она составляет 14 (четырнадцать) рублей с человека в месяц. Просьба тем, кто за май уже оплатил по-старому, доплатить в счет июня!! ЖКХ № 43».

– О господи, – шепотом произнесла Татьяна Сергеевна, и опять вспомнился бывший зять: с какой стати за него, прописанного, платить?! И ведь даже на сына алиментов от него не видели, хотя чего ему опасаться – они ведь с Ириной официально женаты... Надо, да просто необходимо вечером поднять вопрос. Или пусть наконец разводятся, или... А какой еще вариант? Три с лишним года тянется непонятно что, и улучшений ни на грамм... и Ирине, кажется, все равно, будто не ее касается в первую очередь, не ее сына. – Доброе утро, – не особенно приветливо из-за мыслей поздоровалась она со старушками на скамейке.

– Доброе, доброе, – совсем безрадостно отозвались те.

Павлушка, оказавшись на воле, сломя голову, бросив ведро с совками, помчался к качелям.

– Осторожнее! – послав ему вслед строгое, но бесполезное, Татьяна Сергеевна под села к старушкам.

Крайняя справа, Наталья Семеновна, снимая ногтями шелуху, кидала в беззубый рот коричневатые, поджаренные семечки; вторая, та, что в центре, из соседнего дома, с медалью «50 лет Победы» на джемпере, просто хмуро глядела перед собой, а третья, крайняя слева, Светлана Дмитриевна, была занята чтением городских «Ведомостей».

– Слышали? – чтоб разделить неприятность, сказала Татьяна Сергеевна. – Лифт опять подорожал.

– Дак еще бы не слышать! – со злой готовностью отозвалась старуха с медалью. – Сидим вот тоже горюем. Огня вон нет целыми днями, а денежки драть – это не забывают.

– А вам разве, – Татьяна Сергеевна показала кивком на медаль, – льготы не положены?

– Мне-то лично положены... без очереди в сберкассе плачу.

– Ба-аб, покачай! – крикнул Павлушка с качелей.

В этот момент Светлана Дмитриевна оторвалась от газеты. Сообщила:

– Како-то ЗАО «Горкомхоз» извещат: теперь те, у кого на участке водопровод проложен, должны коллективный договор заключать, чтоб вода поступала.

– Чего?! – еще не поняла, но приготовилась рассердиться старуха с медалью.

– Ну, у кого свой дом или дача...

Татьяне Сергеевне очень хотелось дослушать очередную, наверняка возмутительную новость, но Павлик позвал уже громче, отчаянно вихляясь на сиденье:

– Ну, баб! Ну покачай!

Пришлось встать, подобрать ведро с совочками, пойти к внуку...

Однообразно, раздражающе тонко скрипели истершиеся подшипники качелей, и Павлушка так же однообразно выкрикивал:

– Сильнее! Сильнее!

А Татьяна Сергеевна в ответ просила его об одном и том же:

– Держись крепче давай!

Скрип резал уши, казалось, колючими комками влетал в открытые форточки. И Татьяна Сергеевна каждое мгновение ожидала – сейчас кто-нибудь высунется и истерически заорет: «Да перестаньте вы издеваться! Голова же лопнет!»

– Что, Павлуш, пойдем лучше в парк, – сама первой не выдержала, притормозила она качели.

Внук тут же заныл:

– Еще-о!

– В парке есть качели хорошие, а эти слышишь какие...

– Нет, на этой хочу!

Управлять Павликом у Татьяны Сергеевны получалось только дома, и то не всегда, а уж на улице он был полным хозяином; да его и можно понять – ведь бабушка вышла гулять с ним, а не он с ней, она нужна лишь для того, чтоб его не обидели, он не заблудился; качаться же именно на этих качелях – полное его право...

Дом их, светло-серая девятиэтажка, стоит в новой части города. Правда, новой части уже лет тридцать, и жизнь в ней такая же устоявшаяся, как и в старой. Впрочем, какая и где она нынче – устоявшаяся? Второй десяток лет непрекращающейся лихорадки.

Внук резко, неожиданно соскочил, и Татьяна Сергеевна лишь в последний момент успела удержать налетающее на него сзади сиденье качелей.

– Павлик! Разве можно так?! А если б ударило? Так ведь и сотрясение мозга...

Но тот, не слушая и не слыша, уже бежал в сторону парка. Татьяна Сергеевна, бормоча досадливо, с ведерком в руке поспешила за ним.

«Ох-хо... Мальчик растет, – подумалось, – нахлебаемся с ним еще...»

Когда-то очень хотела сына. Точнее, хотела, чтоб старший ребенок был сыном, а младший – девочка. Но первой родилась Ира, второго же завести не решились... Конечно, несколько ущербная семья получилась, хотя, с другой стороны...

О событиях в Афганистане она, само собой, знала – часто по воскресеньям смотрела передачу «Служу Советскому Союзу», где бывали оттуда репортажи, оптимистические, по-военному бодрые. Да и что, казалось бы? Служат наши ребята в ГДР, и в Чехословакии, и в Польше, теперь помогают устроить жизнь южному соседу... Лишь в восемьдесят четвертом поняла, что там происходит на самом деле.

Привезли сына сослуживицы по обойной фабрике. Привезли в заваренном металлическом гробу; сопровождающий офицер рассказал, что перевернулся грузовик на горной дороге в Туркмении и гвардии рядовой... В общем, несчастный случай. Но после поминок, уезжая, другой сопровождающий, сержантик, оставил конверт. И там было про бой в ущелье, про семнадцать убитых из роты и домашние адреса некоторых из них...

Сослуживица стала переписываться с родителями погибших, и вскоре оказалось, что вошла она в бесконечный лабиринт все новых и новых семей, потерявших своих мальчишек; сотни и сотни писем приходили осиротевшей матери.

И тогда, еще молодой почти женщиной, порадовалась Татьяна Сергеевна: «Хорошо, что у меня не сын».

А потом были вырезанные погранзаставы в Таджикистане. Чечня. И это оказалось намного ужаснее Афганистана. Ужаснее в первую очередь тем, что война была здесь, на экране телевизора, чуть не в прямом эфире. Генералы рассказывали в утреннем выпуске новостей, какое село они сейчас будут бомбить и освобождать от боевиков, а в вечернем – как бомбили, как брали дом за домом, сколько боевиков уничтожено, каковы наши потери. Через день появлялись более полные репортажи – уже с убитыми мирными жителями, завернутыми в плащ-палатки российскими солдатами, сваленными в кучу чеченцами, у которых до странности одинаково кровянили раны в голове... И такое почти ежедневно, и, можно сказать, тянется до сих пор, восьмой год без малого...

Сын Татьяны Сергеевны, если бы он существовал на свете, вполне мог попасть хоть в Таджикистан, хоть в Чечню.

А сколько всяких других опасностей – не опасностей, не то слово – мальчишек повсюду подстерегает. Разве вот девочка бы так с качелей безрассудно прыгнула?

Ладно, хватит об этом. Жизнь сложилась как сложилась, Татьяне Сергеевне почти пятьдесят, внуку вот-вот четыре. Одна надежда, что у него все хорошо сложится. Слабая надежда, если откровенно признаться...

Миновали широкую, но не особенно загруженную в дневные часы транспортом улицу, оказались в парке.

Он почти загородный, за ним речка Самусь, один из многих притоков Оби, а дальше – дачный поселок. Да, именно дачный, а не садово-огородный, – участки давали годами в пятидесятых, по шестнадцать соток, в сосновом бору. Не простым людям, ясное дело, давали, зато дачи – в настоящем смысле слова... Теперь, правда, некоторые участки освобождены от деревьев и наследники состоятельных в прошлом владельцев сажают там овощи и картошку себе на прокорм. Сидеть в выходные в шезлонгах под соснами сегодня мало кто может себе позволить.

Семья Татьяны Сергеевны обзавелась дачей (не дачей, шестью сотками в садово-огородном кооперативе) в восемьдесят седьмом. У мужа в институте создали тогда этот кооператив, и почти все сотрудники принялись за обработку кусочков степи за юго-восточной окраиной города. Но многие к этому вскоре охладели.

Несколько лет большинство участков стояли лишь кое-как огороженными, заросшими коноплей и полынью, а потом прошел слух, что бесхозные наделы будут отнимать и продавать людям со стороны. Педагоги и их домочадцы зашевелились, да и подросла тут потребность, какая-то всенародная тяга копать в земле, строить, в пятницу вечером мчаться из города на свои шесть соточек – на свою территорию.

С трудом приучаясь, Губины удобрили скудную степную землю, посадили вишни и сливы, соорудили сначала временку, а потом, за четыре лета, и достаточно симпатичный домик.

Много помог им сослуживец мужа Дмитрий Павлович Стахеев. Человек вроде совсем городской, профессор, а оказался и в строительстве специалистом, и на деревообрабатывающем комбинате своим человеком – договорился там о покупке досок и бруса для Губиных за нормальную цену, вагонки, даже оконных рам.

Сам он первым в кооперативе дом поставил, превратил свои сотки в загляденье просто, забил скважину, не дожидаясь так и не проложенного по их участкам водопровода... Да, очень умелый и энергичный человек, и все делает как-то легко, словно бы мимоходом, почти играючи. Волей-неволей, а позавидуешь...

– Бабуль, – остановился Павлик перед киоском у входа в парк, – купишь «Хуббу-Буббу»?

Разговаривает он еще неважно, зато такие вот названия произносит уверенно и четко. И ничего удивительного – по двадцать раз на дню слышит их из телерекламы, видит радостные жующие лица.

– Нет, Павлуш, давай не будем, – попыталась сопротивляться Татьяна Сергеевна.

Внук с пониманием посмотрел на нее.

– Рубеичек нету?

– Мало совсем...

– Тогда чупа-чупс.

Вот ведь и цены знает. «Хубба-Бубба» эта шесть рублей стоит, а чупа-чупс – полтора.

– От него зубки портятся. Я лучше тебе вечером печенюшек шоколадных наделаю. Хорошо?

Но где еще вечер, а сладенького хочется сейчас. И Павлик привычно начинает канючить:

– Не-ет, купи чупа-чупс! Касенький!

Повеселев, с чупа-чупсом во рту, он помчался по парковой аллее к знакомой площадке.

Площадка хорошая, сооружена с фантазией, и потому ребятишки на ней играют без усталости, она им не надоедает... Здесь и горки разной высоты, с которых можно кататься хоть зимой, хоть летом, и качели, обыкновенные и в виде лодочек; песочницы, шведские стенки, турники, избушка на курьих ножках, простенькие механические карусели, а по краям площадки скамейки для родителей.

Еще не дойдя до места, Татьяна Сергеевна заметила новое. Что-то вроде замка, и он качался, дрожал, разноцветные башенки кивали, словно звали к себе, а из замка слышались

восторженные детские визги... Раньше любопытства подкатила тревога – что это еще придумали?

И тревога усилилась, когда навстречу медленно прошла мать с ребенком. Мальчуган ревел и упирался, женщина же почти волокла его по дорожке, уговаривала:

– Завтра еще попрыгаешь. Ну Артем!.. И так три раза... Никаких денег не хватит...

«Деньги, деньги, – кольнуло мозг. – Платный аттракцион, что ли, какой-то поставили?»

Так и оказалось.

Сама площадка безлюдна, качели, из-за которых у ребятишек порой возникали чуть ли не драки, пусты. Зато толпа перед надувным качающимся замком. И Павлик, растерявшись, смотрит на прыгающих внутри, визжащих детей. Соображает, наверное, как и что...

Татьяна Сергеевна остановилась рядом, тоже соображала, но о другом – как бы увести его, пока не разобрался, не вошел во вкус. Потом, она знает, с ним не сладить.

Взрослые возле аттракциона вели себя по-разному. Одни, улыбаясь, глядели на своих резвящихся сынишек и дочек, внуков и внучек, а другие сдерживали их, рвущихся в замок, убеждали на удивление одинаково:

– Ты уже наигрался, хватит пока! Пойдем лучше «Милки Вэй» купим. Завтра снова придем...

Ясно, понятно – «Милки Вэй» или «Твикс» стоят рублей по восемь, а десять минут этого удовольствия на «замке-батуте», как значится на прикрепленном к резиновой башенке объявлении, – пятнадцать рублей. Но какой ребенок довольствуется десятью минутами? Тем более Павлик... А он сбросил по примеру других ботиночки и лез внутрь аттракциона, не обращая внимания на голос мужчины, что дежурил в воротах:

– Ты с кем, малой? погоди, сперва надо денежку заплатить... Да погоди!..

Павлик обогнул его, как что-то хоть и мешающее, но неопасное... Подоспевшая Татьяна Сергеевна уже протягивала мужчине пятнадцать рублей. Пятнадцать первых рублей.

* * *

Лекция протекла нормально, как всегда. Преподаватель подробно рассказал о сатирической литературе Древней Руси, студенты его выслушали, кое-кто нужное записали в тетрадь.

Раньше, давно, незадолго до звонка Юрий Андреевич спрашивал: «Вопросы есть?» Но чаще всего вопросов не было, и создавалась неловкая пауза, и потому эту реплику он отодвинул в самый конец, произносил ее параллельно со звонком, под шелест собирающихся высыпать из аудитории студентов.

Но все-таки сегодняшняя лекция слегка отличалась для Юрия Андреевича от сотен предыдущих – автоматически рассказывая о «Ерше Ершовиче», он в то же время гадал, что за разговор к нему у Стахеева. Нерядовой наверняка разговор, раз предложил посидеть в баре «Корона»; обычно перебрасываются они несколькими ничего не значащими фразами на кафедре или в коридоре и расходятся по своим делам...

Дмитрия Павловича он нашел в том же самом кресле, курящим сигарету. Стахеев заулыбался:

– Как, отчитал?

– Отчитал...

– А у меня настоящий диспут случился... – В голосе Стахеева послышалась гордость. – Вот Наталья Георгиевна рассказываю как раз.

– По поводу? – Губин положил на стол бумаги, книгу, осторожно потянулся.

– Диспут-то?... Да вот, видишь ли, никак не могу убедить умников, что «Тихий Дон» Шолохов написал... Не все спорят, человек пять, зато такие – пена брызжет... Текстологический анализ пришлось проводить. Взяли ранние рассказы, стали сверять... Представляете?

Юрий Андреевич в ответ качнул головой, усмехнулся. Усмехнулся вроде иронически, а на самом деле – почувствовал – со скрытой завистью. У него на занятиях пеной не брызгали...

– Они и не отрицают, что одним человеком написано, – продолжал Стахеев. – Они другой гипотезы придерживаются. Да, писал, дескать, один и тот же, но не Михаил Александрович, а его тесть – отец жены.

– Хм... – Теперь Юрий Андреевич усмехнулся искренней. – Забавно.

– А почему именно он? – спросила старшая лаборантка Наталья Георгиевна.

Тут вошел багровый, потный, измотанный до предела Кирилл. Страдальчески выдохнул, отер лицо носовым платком. Внимание Стахеева мгновенно переключилось на него:

– Каково? Укатали сивку?

– И не говорите, – буркнул тот, но буркнул явно не для того, чтоб отвязались, а как старшему товарищу, которому, правда, стыдно жаловаться.

– Что было-то? Семинар?

– Да, по Тютчеву.

– И? – Стахеев выпустил из ноздрей плотные струйки сигаретного дыма.

– Ну, я их начал о главном опрашивать, а они на мелочи какие-то... И ведь специально увели, чтоб не показать, что даже стихов как следует не читали...

– А что за мелочи?

– Н-ну... – Кирилл дернул плечами. – Зачем он дипломатом работал всю жизнь, сознавая, что это мешает поэзии. Увидел ли Пушкин в нем большого поэта или просто так напечатал...

– Какие же это мелочи, дорогой?! – перебил, чуть ли не вскричал Стахеев. – Это как раз и есть главное! Стихи, в целом, – бесспорны, а вот такие вопросы...

«М-да, главные темы, споры, пена изо рта, – раздраженно думал Юрий Андреевич, сидя за своим столом, – а в итоге прилавок, рулон с билетами, исторический календарь в местной газетенке, который любой школьник составить способен. – И уже с откровенной озлобленностью он мысленно бросил Стахееву: – Пустобрех ты просто-напросто! Все равно о чем болтать, лишь бы слушали...»

Но когда Дмитрий Павлович предложил ему пойти в «Корону», послушно поднялся из-за стола...

– Какие прогнозы насчет чемпионата? – по пути спросил Стахеев.

Юрий Андреевич глянул на него непонимающе:

– А?

– Чемпионат мира по футболу ведь скоро. В курсе?.. Как тебе наша славная сборная?

– Да я как-то... не слежу в последнее время.

И действительно, он давно не интересовался футболом. Нет, иногда смотрел матчи, но лишь когда, переключая каналы, случайно наткнулся на трансляцию; думать же о том, каков состав сборной, гадать, выйдет ли она из группы, ему и в голову не приходило. Хотя когда-то следил, прогнозировал, спорил с тем же Стахеевым.

– Вряд ли, думаю, что-то покажут, – без увлечения, может, заразившись равнодушием коллеги, говорил Дмитрий Павлович. – Нападения нет совсем, с защитой тоже беда. Единственное – средняя линия. Потому и держат мяч по семьдесят минут за игру. Чемпионов мира, хе-хе, за время владения мячом можно дать...

Вошли в полутемный, скупое и красиво освещенный свечами зал «Короны». Даже и не подумаешь, что освещен так по необходимости, из-за того, что просто электричества нет... Юрий Андреевич здесь еще не бывал, но, как каждый горожанин, знал из рекламных объявлений, что бар этот самый престижный и элитный.

– Присаживайся, – по-хозяйски указал ему Стахеев на стол в уголке; глянул в сторону выстроившихся шеренгой молодых людей в белых рубашках и черных брюках и тоже сел.

Официант мягко положил перед ним кожаную папочку. Дмитрий Павлович раскрыл ее, уверенно перелистнул, пробежался взглядом по названию кушаний.

– Что, Юр, – поднял глаза на Губина, – по бизнес-ланчу?

– Я не голоден...

– Ну, у тебя еще лекция впереди. Подкрепиться надобно. Чего ж?.. Давай, да? А то мне одному кусок не полезет.

Юрий Андреевич двусмысленно пожал плечами.

– Н-так... и-и... – Стахеев еще полистал меню. – И водки графинчик. Не против?

– Ты что?! Как я на лекции буду...

– Мы по чуть-чуть. Чисто для аппетита.

– Я – нет, – испуганно и твердо сказал Юрий Андреевич.

– А я капельку, с твоего позволения. – И Стахеев жестом подозвал ждущего поодаль официанта.

Встречая надписи «бизнес-ланч» на выставленных щитах у дверей кафе и баров, Юрий Андреевич никогда не воспринимал это название как название чего-то вкусного, свежего. За этим «бизнес-ланч» виделись иссохший муляж сосиски с булочкой, красное пятно крахмального кетчупа. А на самом деле вот, оказалось, обалденно пахнущий, роскошный обед. И так соблазнительно тянет холодком от запотевшего графинчика с водкой...

– Как, не созрел? – Стахеев поднял графинчик над рюмками.

– Нет-нет, не стоит... Боюсь расклеиться.

– Что ж – зря.

Стахеев выпил и стал энергично хлебать харчо. Но вдруг неожиданно отложил ложку, прожевал, вытер губы салфеткой.

– Слушай, Юр, хочу тебе одно предложение сделать. – Он снова наполнил свою рюмку и задержал графинчик в воздухе, настоятельно советуя Юрию Андреевичу, и тот поддался:

– Половину только. Символически.

Выпили, закусили.

– Что за предложение? – не выдержал Губин слишком длительной паузы.

– Гм... Понимаешь, старик, отличная наклюнулась подработка. Я бы сам не отказался, только вот, так сказать... гм... обличьем не вышел. А нужен человек статный, высокий чтоб, с породой... Ну, типа тебя. Ты вот идеально подходишь...

Юрию Андреевичу всегда становилось неловко, неприятно, когда заговаривали о его внешности. Внешне действительно – граф Орлов... Но даже когда молодая жена шептала ему в постели: «Ты мой сильный... ты мой самый красивый...» – Юрий Андреевич сразу остывал, выныривал из горячего забытья страсти. И вспоминалось тогда, как он начинает тревожиться, искать пути отступления, завидя впереди на вечерней улице компанию подвыпивших парней, как предпочитает уводить жену (а до того невесту) с танцплощадки, когда чувствует, что к ней проявляют слишком уж большое внимание и наверняка, если останешься, придется драться... Да и вообще характер его не соответствовал внешности; благородство, может, в какой-то мере и было, а вот решимости, мужественности он в себе не ощущал. Скорее – робость.

– Для чего подхожу? – и сейчас, смутившись, насупившись, перебил Губин вопросом Дмитрия Павловича.

– Н-ну-у... – Тот наполнил рюмки. – Давай перед антрекотиком. Хорошо здесь кормят... Могли бы, в принципе, и рестораном назвать. Но бар, видишь ли, в моде сейчас. Ресторан пугает, бар как-то вроде... – Он покрутил пальцами. – Вроде попроще.

Проглотив водку, сладко поморщившись и бросив в рот ломтик маринованного огурчика, Стахеев кивнул Губину: мол, пей, не бойся.

Губин выпил, склонился над тарелкой... Надо закусить плотнее, хмель задавить. Ведь лекция впереди...

– Слышал, наверное, – снова заговорил Дмитрий Павлович, – открывается казино на днях? «Ватерлоо»... Его игорным домом решили назвать, чтоб обыватель не очень пугался.

– Слышал, кажется... Но мне такая информация как-то не особенно интересна.

– Зря, зря, что не интересна. Все-таки первое такое заведение в нашем медвежьем углу. Через двенадцать лет после официальной легализации... И здание строили почти что три года... – Стахеев говорил с чувством, даже слегка как бы обидевшись на равнодушие коллеги. – Мучительно, по кирпичику... В любом случае – событие для города нерядовое.

– Лучше б музей отремонтировали, – не согласился Юрий Андреевич. – Вон, прочитал тут в газете, задняя стена вот-вот рухнет...

От сотни граммов водки он почувствовал заметный прилив энергии. Но энергия была нехорошей, агрессивной; подмывало сказать что-то хлесткое, обидное Стахееву – то, что он прятал от себя самого, давил даже в мыслях... Стахеев же, наоборот, сделался еще добродушней, снисходительней. Сидел, отвалившись на спинку стула, курил, улыбался; узел галстука оттянул к третьей пуговице кремового цвета сорочки. И его добродушие неожиданно передалось Юрию Андреевичу, он тоже улыбнулся, спросил:

– Так что за дело-то, Дим? Хорош круг да около...

– Дело... – Тот задумался, будто припоминая, что ему нужно было от Губина. – Дело... Дело, старик, такое. Гм... Только ты с плеча не руби, а подумай, взвесь. Лады? – И, по своему обыкновению, не дожидаясь ответа, продолжил: – Согласен ты стать лицом казино «Ватерлоо»? Работы почти никакой, ответственность нулевая, зато денежки, мягко говоря, приличные.

– Как это – лицом?

– Ну, как... Ходить там по вечерам в форме французского маршала, в рекламе сняться... Короче, понимаешь, чтоб с твоим обликом оно связано было. С живым, так сказать, человеком. – Стахеев доразлил содержимое графинчика по рюмкам. – Давай, старик, тут по плоточку осталось.

Юрий Андреевич с машинальной послушностью выпил... Суть стახеевского предложения он еще не уяснил, понял лишь, что услышал совсем не то, что ожидал. Ожидал, может, предложения помочь с профессурой, с восстановлением дачного домика; совсем уж втайне ожидал разговора о своем скором пятидесятилетии, о том, как и где его лучше отметить... А тут вот нечто совсем другое...

– Ничего страшного нет, я тебе гарантирую, – заторопился Дмитрий Павлович. – Наоборот, я считаю, удача. Я сам бы с радостью, только росточком, увы, не вышел...

– Погоди, – перебил Губин, – объясни толком.

– Н-так... – Голос преподавателя советской литературы стал медленным, каждое слово весомым, значительным. – Значит, недели через две открывается игорный дом «Ватерлоо». По названию последнего сражения Наполеона... Мировая практика показывает, что очень полезно иметь крупной фирме, магазину, ресторану, гостинице живое олицетворение. Так сказать – символ. И мы, старик, предлагаем тебе стать символом «Ватерлоо». Ничего особенного, да и почти ничего тебе делать не нужно...

– Извини, перебыю... – Юрий Андреевич понял в конце концов, о чем ведет речь Стахеев, но не оскорбился, не почувствовал желания встать и, бросив на стол сотню (правда, еще вопрос, набралась бы в его бумажнике сотня), уйти; вместо оскорбленности появилось, защекотало любопытство. – Извини, а кто это «мы»? Ты какое-то отношение к этому... казино имеешь?

– Так, более или менее... Понимаешь, мой зять, муж старшей дочери, Денис, – один из совладельцев. Деньги большие вложил... Он и подал идею тебя привлечь. Он тебя видел тогда, на моем дне рождения, залюбовался, говорит... В-вот... Деньги, Юр, очень приличные тебе будут платить. Машину свою наладишь или подкочишь на новую, с дачей разберешься. Все нормально будет, старик...

– Да уж...

– Ладно ты, не грусти! – Стахеев потряс его за плечо. – Сейчас пропустим еще по сотенке – и в альма-матер...

Юрий Андреевич сидел скрючившись. Перед глазами кривлялся клоун из телерекламы, символизирующий «Макдоналдс»... Потом на его месте появился он сам, одетый в костюм Наполеона, с дурацкой шляпой (или как там она называется?) на голове, пальцы правой руки сунуты за борт серого френча (или сюртука?)...

– Кстати, – встрепенулся он, будто нашел выход из сложной ситуации, – у меня ведь, хм, с Наполеоном мало общего. Он вроде невысокий был, полноватый, с залысинами... Ты, прости, как-то больше на его роль подходишь.

Стахеев опять улыбнулся, добродушно, открыто. Покивал:

– Так-то так, только, с другой стороны, людям-то наплевать – похож, не похож. Главное – чтоб фигура солидная. Тем более не Наполеоном ты будешь, а так... каким-нибудь маршалом. Кто там у них был красавец?.. Ней, Мюрат...

Официант поставил на центр стола запотевший графинчик и неслышно отошел в сторону. Стахеев без промедлений наполнил рюмки.

– Ну, за все доброе!..

Конечно – естественно! – Юрий Андреевич был уверен, что откажется. Однозначно и решительно. Только позже, сейчас неудобно. Завтра... при следующей встрече...

И Стахеев, будто услышав его мысли, не торопился:

– Ты, старик, вечером посиди, обмозгуй. Ничего, повторяю, особенного. С Татьяной посоветуйся... Как она, кстати? Нормально?.. Привет передавай.

Юрий Андреевич качнул головой. Равнодушно слушал, глядя на грязную пустую тарелку.

– Снимешься в паре роликов, напечатают твою фотку в буклете. Иногда, под настроение, будешь по залам гулять... Костюм тебе подберут настоящий, той эпохи. Мы уже в театре договорились. Мерки только надо с тебя снять... Ладушки?

– Я подумаю, – ответил Губин, не поднимая глаз.

Было бы просто бестактно рубануть сейчас, поев и выпив за счет Стахеева, коротким, тяжелым «нет».

* * *

Вторая половина дня. Солнце лишь чуть начало клониться к западу, но из тенистых углов уже тянет холодом. Да оно и понятно – по Самуси только-только, как всегда, тяжело, с треском и хрустом, прошел лед, а земля, старушки огородницы говорят, совсем недавно оттаяла.

Зима вообще в этих краях задерживается подолгу, на север уползает неохотно, часто возвращаясь снегопадами в конце мая, промозглым ветром, от которого жухнет трава, чернеют белые цветки яблонь и слив.

За последние несколько лет Ирина привыкла, приучилась как раз в это время ехать на дачу, собирать граблями в кучу прошлогоднюю сухую ботву и листья, заправлять сооруженные папой грядки семенами морковки, редиски, лука, устраивать цветочные клумбы вокруг их домика, следить за Павлушкой, которому непременно надо, по примеру деда, копать землю, и копает он ее как раз там, конечно, где уже лежат семена...

Но теперь, судя по всему, с дачей покончено. Сгорели домик, почти все плодовые деревца, и без них стала чужой, немилой сама земля на изуродованном участке. Даже не тянет туда. Нет, чего зря говорить, – тянет, но как представишь черную гору углей и железок вместо домика, вспомнишь о погибших вещах и – лучше просто отрезать, похоронить. Словно и не было.

Каждую зиму у людей дачи горят. То ли из-за электричества происходит, то ли бомжи поджигают нарочно или случайно... Ирина слышала, что многие пытаются найти виновных, судятся, страховки выбивают. Одни вроде побеждают, другие – нет, только какая, в общем-то, разница... Все равно дачу, ту, к которой прикипел душой, не вернуть. Строить заново далеко не у всех хватает энергии и решимости...

Ирина ушла сегодня с работы часа на два раньше, чем положено. То есть – обычно. Дел не предвиделось, слушать Дарью Валерьевну уже не было сил; часов с двенадцати в голове появилась знакомая, постепенно вытесняющая другие мысль: «Надо домой. Засесть с Павлушкой в комнате, поиграть... Совсем, наверное, мать там замучил... Вечером еще постирать...» И в начале третьего она заперла лабораторию, с пакетом подаренных Рагимом фруктов вышла за ворота рынка... Вместо автобусной остановки ноги как-то сами собой понесли ее к центру. Ирина не сопротивлялась, радуясь весне, кратковременной свободе между работой и домом; та мысль о Павлике, о матери, о вечерней стирке – она давно поняла – лишь повод сбежать. На самом деле ей было нужно, не давало покоя совсем другое...

Не замечая тяжести пакета, медленно, прогулочнo шла по главной магистрали города, по так и не переименованному проспекту Ленина... Сперва сплошь кирпичные и блочные пятиэтажки, иногда – девятиэтажные дома, но вот проспект расширился, и слева – большая площадь с памятником все тому же Ленину, два облицованных мрамором правительственных дворца (теперь – городская и областная администрации) друг против друга, шеренги разноцветных машин на стоянке; за Лениным десяток голубоватых елей, а в центре площади – фонтан...

Вид площади всегда навевал на Ирину приятные воспоминания. В детстве летними вечерами она гуляла здесь с мамой и папой, завороженно – не оторваться – смотрела, как бьют вверх из гранитных ваз единственного тогда в их городе фонтана плотные струи воды и падают с мягким шипением, разбиваются, разлетаются далеко вокруг мельчайшими свежими каплями... Сейчас, без электричества, фонтан, конечно, бездействует...

Тут же, сбоку площади, драматический театр с колоннадой у входа, построенный лет сто пятьдесят назад; чуть дальше краеведческий музей – тоже старинное здание, – закрытый сейчас, и уже с полгода, на капитальный ремонт. Еще дальше универмаг «Сибирь», трехэтажный, многозальный гигант, любимое некогда место у женщин – бродили по нему, точно бы действительно по музею, мяли развешанные на железных шестах платья, кофточки, юбки, любовались драгоценностями за толстым стеклом, приценивались к стиральным машинам, телевизорам, пылесосам, а потом стали дивиться почти инопланетным «Панасоникам», «Индезитам», «Аристонам»... Теперь магазины с подобным товаром появились на каждом шагу, но все они небольшие, даже тесные, а ведь какое удовольствие переходить из отдела в отдел, петлять по залам, каждый раз обнаруживая нечто удивительное, фантастическое просто, жаль – но об этом как-то в тот момент не думаешь, – не по карману...

Универмаг работает с недавнего времени только по выходным, тоже из-за отсутствия света, зато вокруг него плотным кольцом – рынок, где продают те же самые товары, что и в «Сибири».

Еще в районе центра – почта с междугородним телефоном, физико-математический корпус университета, гостиница «Ермак» (название звучное, хотя Ермак до их мест не добрался), ресторан «Сибирские зори» в дореволюционном здании, напоминающем Большой театр; а еще вот появилась и новостройка – казино.

Строили его долго, года четыре, огородив высоченным забором из железобетонных плит, нарушая тишину и вечно торжественно-праздничную атмосферу сердца областной столицы. Много было споров по поводу и строительства в целом, и того, что строится именно казино. Многие, понятное дело, были против; в газетах появлялись статьи, то одни: игорный дом украсит наш город, придаст ему еще более современный и цивилизованный вид, – то прямо проти-

воположные: нарушит архитектурную гармонию, превратит площадь в арену бандитских тусовок и стоянку автомобилей богатых клиентов.

Строительство, правда, тормозила наверняка не эта дискуссия в прессе, а отсутствие денег. Случались многомесячные паузы, и за забором тогда наступало затишье, скорее тревожное для горожан, чем желанное; замки на больших воротах успевали покрыться ржавчиной, сторожа скучали на своих дежурствах, в народе начинали бродить слухи, что казино строить все-таки запретили и теперь наверху решают, сносить ли здание или же приспособить его под что-нибудь дельное – под художественную школу, например, которая сейчас ютится в двухэтажном бараке возле заброшенной кочегарки, а может, перевести сюда музей...

Но вот отпирались ворота, веселели сторожа-охранники, сновали туда-сюда груженные кирпичом, цементом, мрамором КамАЗы и ЗИЛы, головы прохожих снова раскалывались от трескотни отбойных молотков, компрессоров, гула и скрипа, криков строителей.

И наконец-то эпопея, похоже, завершена. Забор исчез, над входом дугой висит, блещет в солнечных лучах стеклянная надпись «Ватерлоо». Со дня на день открытие ожидается.

А вот и кинотеатр «Ровесник»... Ирина замедлила шаг...

В их городе три кинотеатра. Один – «Дружба» – в новом микрорайоне, а два других, «Художественный» и «Ровесник», почти в центре, недалеко друг от друга.

Раньше у них были разные функции. В «Художественном» показывали фильмы для взрослых, а в «Ровеснике» – для юношества, мультики, и почему-то, как теперь вспоминается, почти беспрерывно, «Война и мир» в течение четырех дней (в день по серии), с примечанием на афише: «В рамках изучения классической русской литературы». Может быть, люди из гороно были уверены, что школьник, не осилив огромного произведения, хоть таким образом познакомится с основными сюжетными линиями, главными героями, или просто у кинотеатра была своя копия, вот и крутили...

В последние годы разницы между этими кинотеатрами не стало. И в «Художественном», и в «Ровеснике» шли теперь одинаково зрелищные боевики, катастрофы, триллеры, мелодрамы; впрочем, сборы, кажется, получались мизерные – народ перестал проводить вечера в кинотеатрах. Пришлось ставить в фойе бильярд, игровые автоматы, организовывать кафе, сдавать часть помещения под магазинчики...

В этой ситуации удивительно, что дирекция «Ровесника» сохранила в штате должность художника, тем более все новые фильмы сопровождались теперь целым набором разнокалиберных цветных и черно-белых афиш на глянцевой финской бумаге с самыми увлекательными кадрами... Зачем, казалось бы, художник, который малюет гуашью то же самое на щитах из грубого холста? Но, наверное, в этом есть свой расчет – надежда на любовь людей к традиции: вот, мол, привыкли, проходя мимо, бросать взгляд на щиты и вдруг возьмут да вспомнят, как стояли в очередях на «Покаяние» или «Маленькую Веру», расчувствуются, купят билет на сегодняшний вечерний сеанс. Решат потряхнуть стариной.

Ирина, улыбаясь, постояла перед щитом, где оранжевой, желтой и розовой красками была изображена слишком похожая на себя Шэрон Стоун, подумала: «Умеет Павел передать самое характерное в человеке. Но получается как-то... как карикатура». И вспомнились его картины – если была нарисована березовая роща, то береста имела слишком правильное деление на белый и черный цвета, а на натюрморте стакан, к примеру, был точно бы сфотографирован, и тени лежали идеально ровно. Люди получались пропорциональными, зато неживыми. И сам Павел, закончив очередную картину или рисунок, неизменно с досадой оценивал: «Ученичество».

Честно говоря, Ирина почти с самого начала их серьезных отношений поняла: он не добьется в живописи чего-то большого; точнее – поняла, что у него нет таланта, позволяющего сделать недостижимое для других. Но ей нравилось, было необходимо его хотя бы словесное стремление, попытки, его упорство. Ирина точно заряжалась этим, хотя сама никогда не пыта-

лась сделать нечто необыкновенное. Заряжалась для того, чтобы просто жить. Ведь и для простой жизни необходима цель, пусть даже чужая...

Сейчас она ждала, когда в веренице автомобилей появится брешь и можно будет перебежать улицу.

«А если зайти? Посмотреть? – слабенько царапнула мысль. – Тем более... в кои веки здесь оказалась».

И Ирина тут же сдалась ей; обогнула кинотеатр, увидела черную железную дверь. Дверь приоткрыта, значит, Павел на месте.

Постучала. Изнутри не сразу и как-то недовольно отозвались:

– Да-а!

Она вошла в черноту, нащупывая ногой ступеньки вниз. Одна, две, три, четыре. Теперь будет выступ стены, а за ним уже мастерская и одновременно жилище Павла.

Первое, что заметила, – огонек толстой, стоящей на консервной банке свечи, раздвигающий подвальный тьму на несколько сантиметров вокруг, и чуть позже – синеватый, совсем жидкий отсвет в углу. Оттуда знакомый голос:

– Кто там? – не тревожный, а по-прежнему недовольный.

Ирина помнила, знала, что электричества в городе нет, но эта темень пришибла, оглушила ее, словно тяжелый камень. И она оторопела.

Синеватый отсвет в углу заметался, там закрипело. В голосе Павла появился испуг:

– Эй, кто это? А?

– Я, – наконец сумела сказать Ирина.

– А чего сразу не отвечаешь?

– Извини... темно.

– Хм, да вот – дичаем.

Павел осторожно поставил на стол дающий синеватый отсвет предмет. Подошел к Ирине.

– Какими судьбами?

– Так... шла мимо... – Это объяснение было правдой, только почему-то показалось ей сейчас глупым и искусственным, и она замолчала. Подумала: «Зря зашла. Зачем?»

– Что ж, садись, – пригласил муж. – Тут где-то табуретка должна быть...

Он тоже сел к столу, стал виден. Все такой же сухощавый, с неизменной недельной щетиной, волосы завиваются над плечами сальными прядями. Глаза непривычно ленивые. Нет в них той постоянной возбужденности, почти злости, что всегда пугала и очаровывала Ирину... Или это просто в жидком свете так сейчас кажется?..

– Как живешь? – кашлянув, спросила она.

– Да как... – Павел поозирался, будто спрашивая подсказки у невидимых вещей в комнате. – Как дитё подземелья. Днем сплю, а ночью афишки крашу, кой-какая халтура перепадает. – И поспешно уточнил: – Очень редко, правда, перепадает.

Ирина поняла, успокоила:

– Ничего. Павлушка сыт, здоров. С деньгами терпимо, – и кивнула на предмет, дающий синеватый отсвет. – А что это? Телевизор такой?

– Да нет... Компьютер. Но... ноутбук называется. Ну, портативный.

– Я видела, да... В рекламе.

Павел нажал какую-то кнопочку, синеватый отсвет исчез. Закурил, поглядывая мимо Ирины.

– Извини, – вдруг спохватился, – чаю нет. То есть кипятка... Два часа еще до цивилизации.

– Что?

– Ну, когда Чубайс электричество даст.

– Да-да...

Замолчали. Свеча на банке оплыла и превратилась в бледно-желтый полупрозрачный холмик, на вершине которого, чуть заметно дрожа, торчало яркое перышко...

– А как он работает? – раздражаясь и пряча раздражение за этим вопросом, произнесла Ирина.

– Компьютер-то? Ну, так... – Мужу явно не хотелось разговаривать. – В нем батарейки есть... не батарейки, а эти... аккумуляторы. На несколько часов хватает... Полезная все-таки вещь... Я раньше не понимал, а теперь оторваться от него не могу... Эскизы на нем делать учусь...

Ирина слушала эти его вымученные фразы, и раздражение только росло. Да, зашла с тайной даже от самой себя готовностью быть с ним, предложить снова попробовать стать семьей; тоже втайне мечтала, что, увидев ее, он бросится навстречу, обнимет... Что потом, лежа на его узеньком топчане, будут долго разговаривать о сыне, вспоминать общее хорошее из их прошлого, ведь хорошее было... А оказалось, ему и десять минут с ней в тягость. Спасибо, что хоть открыто не гонит.

– Извини, – перебила Ирина, – а откуда он у тебя? Они ведь, кажется, дорогие.

Павел как-то мгновенно сник от вопроса, ссутулился, на лице мелькнуло выражение испуга, и голос стал еще тише, медленней:

– Да, понимаешь, предложили... за копейки... Две тысячи... Наверно, ворованный... Ты, пожалуйста, поэтому никому... Хорошо?

– А мне особенно рассказывать и некому.

Ей хотелось вскочить и закричать. Про развод, про деньги, про его бегство, предательство...

– Я на квартиру копил, – явно оправдываясь, продолжал Павел, – хотел снять однокомнатку, а тут вот предложили... На нем такие можно картинки делать! Только принтер надо еще, чтоб выводить на бумагу... – Он затушил сигарету, первый раз посмотрел Ирине в глаза и улыбнулся: – Овладевать пора новыми технологиями.

– Понятно.

– Слушай, а хочешь глянуть, что я понакрасил? – В его голосе вдруг появилось смущение, какое бывало раньше, когда он показывал ей, еще подруге, свои работы. – То есть, – хохотнул коротко и тоже смущенно, – не накрасил... Хм, слово тоже новое для этого надо... Новые технологии – новые термины... Показать?

– Покажи.

Павел подсел ближе к ней, стал нажимать какие-то клавиши. Компьютер ласково заурчал, экран снова осветился синеватым, на нем появились значки, квадратики. По подобию шкалы побежал красный кружок; и затем – появилась мрачная заставка. Вечернее небо, башни небоскребов, усеянные желтыми точками окон.

– Ой, блин! – Павел сморщился. – Не то включил... А, ладно... Игра обалденная. Смотри. Это вот герой игры. Автомобильный вор и вообще бандит. У него тут разные миссии, задания то есть. Но мне нравится просто по городу шляться... Это как бы Нью-Йорк... Можно машины угонять, деньги отбирать, оружие. В баре можно напиться... Такой имитатор жизни, короче.

Одновременно со словами Павел проделывал то же самое на компьютере. То садился в грузовик, гнал на нем по улице, и под колесами смачно хрустели и лопались пешеходы, то врезался в стену и выскакивал из кабины за несколько секунд до взрыва машины, то умело забивал кулаками до смерти первого встречного и забирал пачечки долларов; заходил в бар и пил виски рюмка за рюмкой, вступал в перестрелку с враждебными группировками...

Наблюдать за всем этим было скучно. Но именно скучно – наблюдать; Ирине захотелось, как-то даже против ее настроения, самой поводить человечка по улицам, покататься среди небоскребов.

– А можно мне?..

– погоди! – резануло досадливое в ответ; правда, голос Павла сразу смягчился. – Сейчас повяжут его, тогда...

И сначала вдалеке, еле различимо, а затем все громче, резче завывали сирены полицейских машин. Герой игры заметался, кинулся в темный узенький переулок. Сзади уже слышались визг тормозов, команды комиссара... Переулок оказался глухим тупиком; человек побежал обратно, на ходу перезаряжая пистолет... Полицейские набросились разом отовсюду, схватка оказалась короткой, и героя бесцеремонно швырнули на заднее сиденье «кадиллака».

А через полминуты он уже стоял у дверей полицейского участка, оглядываясь по сторонам, готовый к новым подвигам.

– Давай, теперь можешь ты хулиганить. – Муж уступил компьютер Ирине. – Садись на этот стул, он удобнее...

Даже просто заставить человечка ровно идти по тротуару оказалось делом нелегким. Он постоянно сшибался со встречными, наткался на фонари, на витрины. Вот пихнул какого-то здоровенного негра, и тот в несколько ударов прикончил беспомощного героя.

– Ну, ты тоже его бей! – горячился, учил Павел. – Мышкой щелкай, он будет драться.

Ирина кивала...

Каждая новая попытка была удачней. Нужно только по-настоящему увлечься игрой, не думать о постороннем... Наконец получилось забраться в машину. Ирина выбрала низенькую, спортивного типа, стоящую у дверей стриптиз-клуба. Надавила на клавишу «W», и машина рванула по улице. Тут же зазвучала спокойная, уютная мелодия.

– Это, дескать, автомобильное радио, – объяснил муж. – Если хочешь, можно другую волну поймать.

– Не надо...

Машина летела на сумасшедшей скорости, и приходилось то и дело перебирать пальцами клавиши «A», «D», «W», заменяющие руль, чтоб не врезаться, не разбиться.

– Ну, Ир, молодец, – стоя за спиной, хвалил Павел. – Я сперва и километра не мог проехать на такой тачке, а ты вон – с первой попытки. Да-а, классно-классно!..

От быстрой езды голова чуть кружилась. Дыхание перехватывало на поворотах и при появлении встречного автомобиля. Но это было приятно. Вспоминалось детское ощущение, когда, поднявшись с соседскими девчонками и мальчишками на крышу родной девятиэтажки, стоишь на самом краю и, чуть наклонившись вперед, бросаешь взгляд вниз, к черной, безжалостно твердой глади асфальта, и тут же, задохнувшись от ужаса и восторга, отшатываешься, пятишься, и пальцы щиплет, будто ударило током...

А сейчас – сейчас она сидела в мягком кресле спортивной машины, слушала нежную, тихую музыку; колеса скользили по бесконечной улице, как по льду, и справа, до самого горизонта, сверкали электричеством небоскребы, слева плескался океан, а впереди тающим айсбергом вздымалась статуя Свободы... Так можно было мчаться сколько угодно, не заботясь о бензине, нарушая правила, разбиваясь и погибая на одну минуту, а затем, снова сев за руль этой же самой машины, опять мчаться вперед...

3

У подъезда столкнулись с главой домового комитета Алиной Станиславовной. Павлик, зная, что у взрослых начнется сейчас разговор, побежал к качелям.

Алина Станиславовна – женщина пожилая, давно на пенсии, но активности в ней – и молодая позавидует.

Татьяне Сергеевне она не очень-то симпатична (один в один управдомша из комедии «Бриллиантовая рука»), хотя ясно – и никуда не деться от этого, – люди подобного склада

необходимы. Энергия их, конечно, находит разное применение, у Алины Станиславовны вот не самое худшее – забота о своем доме, ставосьмиквартирной девятиэтажке.

Ее выбрали главой комитета еще лет десять назад, когда было модно (а в то время казалось просто необходимостью) такие комитеты создавать. Почти везде вскоре они заглохли, исчезли, будто и не было, о них и забыли, но Алина Станиславовна своей деятельностью не позволяла жильцам дома этого сделать. Постоянно следила, насколько тщательно моются подъезды, висят ли замки на чердачных люках и целы ли лампочки; она выбивала места для строительства гаражей, чтоб автомобили не загромождали двор; ее стараниями были установлены запоры на дверях подъездов. Запоры, правда, не кодовые (на кодовые общественных денег не хватило), и визиты гостей стали проблемой – не у всех в квартирах имелись телефоны, людям приходилось или кричать в окна, что они пришли, или дожидаться, когда кто-нибудь, входя или выходя, откроет дверь.

Расцвет деятельности Алины Станиславовны пришелся на тот момент, когда в Москве взорвались дома. Она тут же организовала собрание, составила график дежурства, контролировала, точно образцовый командир, как несут вахту ее соседи... Когда страх от взрывов слегка притупился, одни смеялись над этими своими дежурствами, патрулированиями двора, у других, наоборот, было чувство, что дом их не взлетел на воздух лишь благодаря бдительности Алины Станиславовны.

Теперь у нее было новое большое дело – она боролась за подвал.

Судьба их подвала получилась типичной, чуть ли не классической.

Изначально он был предназначен для нужд жильцов: разделен деревянными стенами на отсеки, где можно было хранить картошку, пустые стеклянные банки, разный мешающий в квартире, но способный когда-нибудь пригодиться хлам. Лопнувшая труба однажды основательно затопила подвал, вдобавок замок с двери постоянно кто-то срывал, и почти все восьмидесятые он простоял бесхозным, в него спускались прохожие, чтоб справить нужду... В восемьдесят седьмом подвал расчистили, отремонтировали и устроили в нем детский клуб «Парус» с настольным теннисом, фотолабораторией, авиамodelным кружком.

«Парус» просуществовал года четыре, радуя ребятишек, принося жильцам хоть и некоторое неудобство из-за детской неугомонности, зато все-таки больше положительных эмоций, и вдруг закрылся. Причину узнать не удалось, да и мало кто интересовался. Тогда все закрывалось, случай с «Парусом» никого особенно не тронул; другие у людей были заботы.

Постояв несколько месяцев под замком, подвал снова ожил, чтобы стать секцией боевых единоборств «Тибет». Вместо детей туда стали ходить подростки лет шестнадцати, откровенно послеармейские парни, иногда встречались и девушки.

Выбранная как раз тогда председательницей домового комитета, Алина Станиславовна стала добиваться возвращения в их подвал детского клуба. И «Тибет» действительно быстро съехал – перебрался в спорткомплекс, принадлежащий канувшим в Лету «Трудовым резервам», подвал же на три с лишним года снова заперли. О нем вроде как все позабыли, даже Алина Станиславовна успокоилась – все же пустой подвал лучше, чем толкущиеся во дворе по вечерам мускулистые, свирепого вида юнцы.

Но в позапрошлом году там вдруг оборудовали склад для хранения фруктов; случилось это как раз накануне московских взрывов, владельцами фруктов были азербайджанцы, и Алине Станиславовне не составило больших хлопот от них избавиться. Впрочем, как это часто бывает, дальнейшее оказалось куда хуже предыдущего – в подвале организовали выращивание шампиньонов.

Сперва возмущались все жильцы поголовно, писали коллективные письма, дружно ходили митинговать к дворцу администрации города. Это помогло лишь отчасти – приезжала комиссия, осмотрела подвал, что-то измерила и вынесла заключение: влажность воздуха в норме, прочности фундамента ничто не угрожает...

То ли это заключение повлияло на многих, то ли еще какие причины, но борьба с шампиньонщиками после комиссии заметно приутихла. Это привело к распрям среди жильцов – те, кто продолжал бороться, считали, что остальных просто-напросто подкупили; доходило до бурных ссор на лестничных площадках и разрыва знакомств. В конце концов лишь немногие вот уже почти два года стойко добивались выдворения из подвала чужих. Среди них главенствовала, конечно, Алина Станиславовна.

И сейчас она, забыв поздороваться, сразу всучила Татьяне Сергеевне лист бумаги.

– Вот опять собираю подписи. Здесь, в правой колонке, надо свою фамилию и роспись, а слева – номер квартиры... Пошлем представителю президента в округе. Пора! Сил нет никаких... Ведь это наше помещение, как ни крути, может, мы сами хотим там шампиньоны расти!..

Вслед за бумагой у Татьяны Сергеевны оказалась и ручка. Она вписала номер квартиры, черкнула подпись... Вложив бумагу в папочку и мгновенно успокоившись, председательница сообщила:

– Галкин к нам на гастроли собрался. Слыхали? Говорят, в интервью каком-то сказал.

– А кто это? – измотанная прогулкой, не поняла Татьяна Сергеевна.

– Ну как! Мальчик-то этот, юморист... С Пугачевой еще поет, игру ведет «Миллионер».

– Ах да, да...

Голос Алины Станиславовны стал заговорщицким:

– Если будет возможность, вам с супругом билетки взять? В свободную-то продажу, наверно, они вряд ли поступят.

– Да я как-то... – Татьяна Сергеевна растерялась. – Не особо поклонница...

– Ну, я тоже не поклонница, но хоть положительные эмоции получить. А он так умеет... не как другие. По-доброму.

Павлик, безуспешно попытавшись покачаться на качелях, прибежал обратно, сам достал из пакета с час назад со слезами вытребованный батончик «Нестле», сорвал блестящую обертку, бросил ее на асфальт. Татьяна Сергеевна подняла.

– Вы с дачей-то как? – Теперь голос председательницы стал сочувствующим. – Что решили? Картошку-то сажать будете?

– Ох, не знаю...

– А что так?.. Все равно ведь надо. Как зимой-то?

Татьяна Сергеевна, начиная тяготиться разговором, взглянула на чистое, до прозрачности голубое небо; все же призналась:

– Слишком тяжело все это видеть, Алина Станиславовна. Были с мужем в начале апреля, как снег сошел... Гора углей посреди участка.

– М-да-а, горе-горе... У меня знакомые на пилораме есть. Может, договориться насчет материала? Они лишнего не возьмут...

– Да у нас тоже есть человек, – перебила Татьяна Сергеевна. – Только каково оно – заново строиться...

Доев батончик, видимо, истомившись до крайности, внук потянул ее домой. Татьяна Сергеевна с радостью ему поддалась. Для приличия поблагодарила председательницу за участие. Та кивнула, резко достала список из папки, что-то увидела в нем и ринулась к соседнему подъезду.

Обедали чуть теплым борщом, поджаркой с гречкой, соленой – любимой внуком – капустой.

Павлик хлебнул борща и отодвинул тарелку. Татьяне Сергеевне пришлось подать мясо.

– Кто мясо глотает, тот умирает! – сообщил внук, наколов на вилку кусок поджарки.

– Почему это?

– Потому. – И, сунув кусок в рот, стал жевать. – Нам Зоя Борисовна так сказала.

- Глупости какие-то.
- Да-а! Кто мясо глотает, тот умирает!
- Почему умирает-то?!

Она понимала, что спорить с четырехлетним ребенком глупо, бесполезно, но копившееся с утра раздражение искало выхода и вот, кажется, нашло. Татьяна Сергеевна уже кипела, представляла, как выскажет воспитательнице, этой Зое Борисовне, по поводу идиотского «кто мясо глотает...». В самом деле – что за дикость? Они так там приучают, что ли, детей мясо не есть?..

- Кто мясо глотает, тот умирает, – как назло, не унимался Павлик.
- Перестань ты, ешь давай!
- Надо мясо жевать, а не глотать. А кто глотает – тот умирает!
- У-у, – поняла наконец Татьяна Сергеевна. – Да, правильно. Правильно вам говорят... –

И почувствовала неловкость, даже стыд, будто уже отчитала воспитательницу ни за что.

И чтобы подавить это чувство, она повелительно, слегка грубовато произнесла:

- Жуй хорошенько, не отвлекайся!

Заскреб ключ в замке. Павлик тут же соскочил со стула, побежал в прихожую. А оттуда уже бодрый голос деда:

- Здорово, Пал Палыч! Как дела?
- Нормально!..

Еще не уловив запаха, Татьяна Сергеевна поняла, что муж навеселе. Его всегда выдавали глаза – они становились как-то ярче, выразительней, в них появлялись одновременно и радость, и виноватость. И голос тоже немного менялся – слова произносились слегка натужно и нараспев, как у страшно уставшего, но и счастливого человека.

Вообще-то выпивал он редко, очень редко, если сравнивать с большинством других, даже вполне интеллигентных мужчин. Приятельницы когда-то давным-давно, случалось, намеками предупреждали Татьяну Сергеевну, что именно в таких скрываются запойные алкоголики, психопаты, способные наделать ужасных вещей. Она обижалась на эти намеки, хотя втайне, конечно, и беспокоилась... Но вот прожили почти тридцать лет – ни одного скандала бурного. Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить...

И все же она ощутила недовольство, нет, точнее ревность, что муж выпил. Сразу возникли вопросы: с кем? по какому поводу? Ведь и она могла бы...

- Со Стахеевым пришлось по чуть-чуть, – сказал, будто ответил ей муж.
- А что у него? Очередной юбилей? – усмехнулась Татьяна Сергеевна и тут же пригасила раздражение: – Обед готов, дорогой. Только холодный...
- Можно и холодный. Голоден, как папа Карло!

Пока он переодевался, умывался, дали электричество. «Ишь ты, – изумилась Татьяна Сергеевна, – на полчаса раньше!» И это слегка повысило настроение; она с увлечением стала накрывать на стол...

Павлик смотрел в комнате телевизор, муж торопливо хлебал борщ, она сама, сидя напротив за квадратным столом, пила чай.

- Как лекции? – задала традиционный вечерний вопрос.

И Юрий Андреевич ответил, как и всегда:

– Да ничего, без эксцессов. – А затем, подумав, добавил, наверное, для разнообразия: – Экзамены скоро.

- Подлить еще?
- Не откажусь.
- Там и кость есть. Погложешь?
- Можно.

Муж снова принялся за еду, а Татьяна Сергеевна без мысленной подготовки, неожиданно для самой себя спросила:

– Как думаешь, картошку когда будем сажать? Люди уже начали... Середина мая.

Вилка, которой Юрий Андреевич ковырял кость, замерла, потом опустилась на стол. Он посмотрел на жену; в глазах растерянность, будто его ударили, но не сильно, и он не знает – в шутку или всерьез...

О даче они не говорили с того момента, как увидели остатки домика. Молча сняли тогда утеплители из мешковины и соломы с уцелевших после пожара плодовых деревьев, сгребли листья с викитории, забрали из обуглившейся времянки несколько более-менее нужных в дальнейшей жизни вещей, заперли ворота и пошли к автобусной остановке... Их москвичок уже стоял к тому времени в гараже с заклиненным мотором, лысыми, до проволоки изъезженными колесами.

Да, тогда, в начале апреля, Татьяна Сергеевна была уверена: дача отныне в прошлом, больше не достанет сил приезжать туда, видеть черную язву посреди участка. Но только – как без нее?

– Надо сейчас решать, – уже уверенней продолжала Татьяна Сергеевна, – через две недели лето уже. Хотя что-нибудь успеть посадить.

– Да я понимаю, – с усилием выдавил муж. – Но не могу я, понимаешь... Как труп там лежит...

Он сказал то же самое, что думала и она, теми же почти словами, и от этого она загорячилась:

– А как мы будем без дачи? Ира вон таскает с работы маленько, но ведь... А у нас семья. Покупать?... Так вообще никаких денег не хватит. Павлику витамины нужны. Что ж, без домика... у других и не было...

Муж еле заметно кивал, на лице уныние и тоска, и еще такое выражение... Оно бывает у щенков, когда их наказывают, а они силятся, но не могут понять за что.

– Извини, что настроение порчу тебе после работы, – тихо, но неумиротворенно говорила Татьяна Сергеевна. – Просто без этой картошки несчастной тоже нельзя. Деньги рекой утекают... На одного Павлика сколько... Сегодня пошли гулять – и восемьдесят рублей как не было. То ему шоколадку, то мороженое, а нет – скандал. Знаешь ведь его характер... В парке еще аттракцион поставили – замок-батут. Пятнадцать рублей сеанс... Три раза пришлось платить, еле увела... За лифт вон прибавили... На той неделе за вывоз мусора тоже... А картошку, я тут глянула, продают – двенадцать рублей килограмм... За квартиру в месяц выходит по триста рублей почти. С человека. А у нас пятеро тут прописано...

Татьяна Сергеевна говорила тяжело, рывками, насильно; ей совсем не хотелось говорить все это, но и остановиться она не могла. И вдобавок внутри нее кто-то одобрительно и настойчиво бормотал: «Так, так, правильно. Пускай слушает, знает. А то всё в облаках. Ученый... Правильно, правильно».

* * *

Давным-давно, когда они только вселились сюда, когда до рождения дочери оставалось несколько месяцев, а вещей было с гулькины нос, квартира казалась огромной, просторной и даже таинственной, будто не изученный пока что дворец... Вспоминая теперь те свои ощущения, Юрий Андреевич лишь грустно-иронически улыбается.

Большую комнату они сразу, не сговариваясь, стали называть «зал». Поставили в нем новенький диван-книжку, черно-белый телевизор «Рубин», сервант с шестью хрустальными бокальчиками, подаренными на свадьбу, а в центре – раздвижной обеденный стол.

Вторая, девятиметровая комната получила звание кабинета – в ней должен был заниматься Юрий Андреевич, готовиться к лекциям, писать кандидатскую. Там установили стеллаж во всю стену, письменный стол с шикарной (тоже чей-то свадебный подарок) настольной лампой под зеленым стеклом.

Впрочем, такой порядок скоро нарушился. Родилась дочь; ее кровать и телевизор в одной комнате, конечно же, были несовместимы, и кабинет Юрия Андреевича сделался спальней Ириши. Письменный стол перетащили в угол зала, загородили его шкафом, чтоб создавалось хотя бы подобие отдельного помещеньца, а точнее – закутка.

С тех пор Юрий Андреевич сидит по вечерам в закутке, лишь иногда с разрешения дочери укрываясь в ее комнате на час-другой, чтоб в одиночестве поработать над сложным вопросом, сосредоточиться...

Сегодня, по заведенной традиции, он сам приготовил себе кофе и с кружкой в руке направился в закуток... Кофе он пьет в последнее время «Пеле», а кружка с надписью «Нескафе». Это дочери с зятем после регистрации в загсе вручили – подошла девушка и с улыбкой, поздравлениями протянула коробку, а в ней две красные кружки с белой изнанкой и стограммовая банка кофе... После того как зятек сбежал, кружка как-то сама собой перешла к Юрию Андреевичу... И ничего, удобная...

Павлик с серьезным, даже суровым видом глядит в телевизор. На экране молодой репортер энергично, уверенно рассказывает: «Выстрел киллера, по всей вероятности, прозвучал с крыши вот этого пятиэтажного дома...»

– Интересно? – невесело улыбнувшись, поинтересовался Юрий Андреевич.

Внук утвердительно дернул головой, от экрана не оторвался. Юрий Андреевич поставил кружку на край стола. Уселся.

Первым делом, тоже традиционно, вынул из портфеля все содержимое – ручки, бумаги, книгу, блокнот, очки в футляре. Сложил бумаги в ящик стола, очки подвинул к давно заброшенному перекидному календарю, хрестоматию Гудзия, приподнявшись, вставил на свое место на полочке. Взамен взял ее соседку, тоненький синий томик «Пустозерская проза».

Глотнул кофе, раскрыл.

Состояние хмеля после еды и разговора с женой прошло совершенно, вместо него появились вялость, ленивость. Тянуло перебраться на диван к внуку и уставиться в телевизор.

«Нет, хорош, и так сколько вечеров впустую, – укорил он себя. – Делом надо заняться, в конце концов. Тем более – выходные теперь, скорее всего, на дачу уйдут...»

Уже несколько лет у него была идея расширить тему той лекции, что он посвящал «Житию протопопа Аввакума». Бесспорно, произведение уникальное, одно из лучших в русской литературе, и все же надо хоть бегло познакомить студентов с его письмами, с сочинениями его товарищей по Пустозерску. Они ведь тоже писали – да еще как! – а удостоились лишь перечисления имен. Дескать, были такие, и точка...

Но сперва, естественно, надо самому перечитать их вещи, сделать пометки, записать свои мысли, а потом уж составить текст минут на двадцать с цитатами, комментариями.

Н-так, начать с дьякона Федора. Он, кажется, после Аввакума самый яркий из них писатель был...

Юрий Андреевич поправил книгу, чтоб свет лампы ровно ложился на страницы, сделал еще глоток кофе. Пополз взглядом по строчкам:

«Юзник темничной, грешный диакон Федор Иванов многострадальной страстотерпице Настасье Марковне радоваться о Господе, и здравствовать со всеблагодатным домом, с любезными чады своими...»

Погружаться в словесный строй языка трехсотлетней давности поначалу приходилось с усилием. Правду сказать, Юрий Андреевич давно не перечитывал источники, предпочитал воскрешать в памяти темы лекций по своим записям, по заученным до автоматизма цитатам...

«А им каково, – пришла вдруг, словно бы для защиты, ехидная мысль, – которые, кроме “типа”, “как бы”, в лучшем случае “в принципе”, мало что могут сказать?»

– Дедунь, – рядом, слева и чуть снизу голос Павлика, – ты чего делаешь?

– Читаю.

Он попросился на колени, устроился и велел:

– Ну, читай!

– «Тюрьмы нам зделали по сажени, а от полу до потологу головой достать, – с интересом, как воспримет текст Павлик, стал читать вслух Юрий Андреевич. – Да, слава Христу истинному, Лазарь отец писал царю письма, – другой год уже там; и ныне велено у него с Москвы о тех письмах взять скаску, и прислать к царю. – Внук завозился, задышал, давая понять, что ему не нравится. – А писал страшно, и дерзновенно зело – суда на еретиков просил. Да не чаем мы – дать суд праведен».

– Не-ет! – Внук не выдержал, аж стукнул кулаком по столу; спрыгнул на пол. – Сичас! – Побежал в свою комнату.

«Когда еретик еретика судит вправду? – продолжал, но уже про себя и уже понимая, что чтение его вот-вот закончится, Юрий Андреевич. – Ни, ни; никогда бо сатана сатану не изгонит, по словеси Христову».

– Вот это! – Внук положил поверх «Пустозерской прозы» другую, с крокодилом на обложке, книгу и снова стал карабкаться на колени Губину.

– И что? «Мойдодыра» или «Тараканище»?

– Нет, про рубейчку!

– Про какую рубейчку?

– Сичас... – Павлик, деловито посапывая, принялся листать страницы. – Про рубейчку... Вот! – Нашел рисунок, где были изображены муха и желтый кругляш у нее под лапками.

– А-а, так это про Муху-Цокотуху история! – несколько искусственно заулыбался Юрий Андреевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.